

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

**Научные труды
№ 53Р**

А. Г. Вишневский, Е. М. Андреев, А. И. Трейвиш

**Перспективы развития России:
роль демографического фактора**

**Москва
2003**

Институт экономики переходного периода

Настоящее исследование посвящено анализу и прогнозу демографической ситуации в России и позволяет выявить набор взаимосвязанных проблемных узлов, которые уже занимают или займут в близком будущем очень важное место во всех долгосрочных стратегических планах и конъюнктурных предложениях, касающихся более или менее экстренных мер текущей социальной политики. Низкая рождаемость, высокая смертность, отрицательный естественный прирост как долгосрочная характеристика воспроизводства населения России, не позволяющая рассчитывать даже на простое сохранение его достигнутой численности и предопределяющая ее постоянное сокращение, глубокая трансформация возрастной пирамиды – все это очень важные сдвиги, которые не могут не иметь серьезнейших экономических, политических, социальных последствий. Смысл предлагаемого в настоящем исследовании прогноза заключается в том, чтобы предупредить российское общество об ожидающих его демографических вызовах и предложить задуматься над возможными ответами на них.

Редактор: *К. Мезенцева*

Корректор: *С. Хорошкина*

Компьютерный дизайн: *В. Юдичев*

Настоящее издание подготовлено по материалам исследовательского проекта Института экономики переходного периода, выполненного в рамках гранта, предоставленного Агентством международного развития США.

ISBN 5-93255-108-9

Лицензия на издательскую деятельность Серия ИД № 02079 от 19 июня 2000 г.

125993, Москва, Газетный пер., 5

Тел. (095) 229–6413, FAX (095) 203–8816

E-MAIL – root @iet.ru, **WEB Site** – <http://www.iet.ru>

© **Институт экономики переходного периода 2003**

Оглавление

Введение	3
1. Аналитический демографический прогноз до 2050 г.	5
1.1. «Инерционный» и «целевой» прогнозы. Стохастический прогноз	5
1.2. Сценарии «инерционного» прогноза	7
1.2.1. Сценарии изменений рождаемости	7
1.2.2. Сценарии изменений смертности	8
1.2.3. Сценарии изменений внешней миграции	10
1.3. Сценарии «целевого» прогноза	11
1.3.1. Какой уровень рождаемости может обеспечить стабильную численность населения?	11
1.3.2. Какой объем иммиграции может обеспечить стабильную численность населения?	13
2. Основные результаты прогноза	16
2.1. Сокращение численности населения	16
2.2. Последствия сокращения численности населения	16
2.2.1. Потеря Россией высокого места в мировой демографической иерархии	17
2.2.2. Усиление несоответствия между численностью населения и территорией России	19
2.3. Старение населения и его последствия	25
2.3.1. Новая структура времени жизни поколений	25
2.3.2. Старение населения как переходный процесс	27
2.4. Особенности изменений российской возрастной пирамиды	28
2.4.1. Динамика некоторых возрастных контингентов	29
2.4.1.1. Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте	29
2.4.1.2. Сокращение призывных контингентов	31
2.4.1.3. Уменьшение числа потенциальных матерей	33
2.5. Демографическое старение и нагрузка на трудоспособное население	34
2.5.1. Нагрузка пожилыми	34
2.5.2. Общая демографическая нагрузка	36
2.6. Демографическое старение и пенсионное обеспечение	38
3. Новые перспективы рождаемости и семьи	40
3.1. Частная жизнь в потоке перемен	40
3.2. Низкая рождаемость в России: следствие российского, «западного» или мирового кризиса?	42
3.3. Низкая рождаемость и репродуктивные права	46
3.4. Семейная солидарность или социальная солидарность?	47
4. Рост жизненного потенциала поколений как социальная цель	50
4.1. Жизненный потенциал поколений и его рост: мировые тенденции	50
4.2. Долговременные тенденции смертности и демографические потери России	51
4.3. Незавершенный эпидемиологический переход	54
4.4. Приоритеты действий	56
Заключение	59

Введение

Анализ и прогноз демографической ситуации в России, порождающих ее факторов и порождаемых ею следствий, позволяет выявить набор взаимосвязанных проблемных узлов, которые уже занимают или займут в близком будущем очень важное место во всех внутрироссийских общественных и политических дебатах, предвыборных программах, долгосрочных стратегических планах и конъюнктурных предложениях, касающихся более или менее экстренных мер текущей социальной политики.

«Демографические» проблемы, находясь в одном ряду с экономическими и социальными, а иногда и сливаясь или тесно переплетаясь с ними, входят или войдут в число общепризнанных, определяющих общий социально-политический климат в стране. При этом они всегда будут по-разному трактоваться представителями различных политических сил, отражая глубинную специфику стоящих за ними групповых интересов.

Можно обозначить, по меньшей мере, две линии водораздела в трактовке демографических (как, впрочем, и других) вызовов.

Во-первых, это «интерпретационный» водораздел между «консервативными романтиками» и «историческими оптимистами». Первые видят все нынешние трудности и проблемы на фоне идеализируемого «доброе старое время» и тянут назад. Но так как невозможность, да и нежелательность полного возврата в прошлое обычно ясна даже им, они останавливаются где-то на полпути, называя эту остановку «третьим путем». Вторые объясняют те же самые трудности и проблемы недостаточно быстрым изживанием наследия «старого режима» и стремятся найти ответы на вызовы времени в ускоренном продвижении вперед.

Во-вторых, это водораздел между типами политического действия – соборно-государственным и индивидуалистски-либеральным.

Осознание обоих типов, их конкретизация и детализация крайне важны для выработки и формулирования политических программ. Отсутствие четких программных разграничений между политическими партиями и движениями лишает их собственного лица, а значит, и устойчивого электората, препятствует структурированию политической жизни, делает ее аморфной, неустойчивой, зависящей от случайностей.

Поэтому желательно не просто выявить «демографические» проблемные узлы, но и понять коренные различия в интерпретации каждого из них, равно как и в подходах к выбору инструментов политического действия, с тем, чтобы определить свое место в поляризованном континууме позиций.

Настоящее исследование направлено на выработку понимания совокупности проблем, связанных со вступлением России в завершающие стадии демографического перехода, и возникновением вследствие этого совершенно новой демографической ситуации в стране. Низкая рождаемость, высокая смертность, отрицательный естественный прирост как долговременная характеристика воспроизводства населения России, не позволяющая рассчитывать даже на простое сохранение достигнутой численности и предопределяющая ее постоянное сокращение, глубокая трансформация возрастной пирамиды – все это очень важные сдвиги, которые не могут не иметь серьезнейших экономических, политических, социальных последствий.

Какой может и должна быть реакция общества на все эти вызовы? Ответ во многом зависит от оценки происходящего.

Если, как это часто имеет место, отмеченные неприятные перемены рассматривать по преимуществу как следствие конъюнктурного демографического кризиса, ставшего частью общего российского кризиса последнего десятилетия минувшего века, то можно рассчитывать на то, что с выходом из кризиса начнет меняться в лучшую сторону и

демографическая ситуация. Такая трактовка оправдывает значительные политические усилия, направленные на приближение и ускорение этого позитивного поворота, на возврат к той ситуации, которая существовала в более или менее отдаленном прошлом, когда воспроизводство населения было расширенным и обеспечивался и рост населения страны, и его относительно молодой возрастной состав.

Если же в нынешних демографических тенденциях преобладает эволюционная составляющая, если речь идет о закономерных исторических изменениях, реакция общества должна быть иной. Нужно не пытаться повернуть вспять колесо истории, а адаптироваться к необратимо изменившейся ситуации, приспособить к ней общественные институты, переосмыслить многие политические подходы, сложившиеся в совершенно иных условиях.

Мировой опыт показывает, что общественное мнение, в том числе и научное, очень долго не может смириться с необратимостью демографических перемен, рассматривает многие из них (хотя, конечно, не все, что лишь усиливает противоречивость оценок) как нежелательные аномалии, от которых любой ценой следует вернуться к прежней «норме». Однако такая реакция, по большей части, оказывается непродуктивной. Несмотря на все усилия идеологов и политиков, общество продолжает двигаться по «ошибочному», как кажется вначале, пути до тех пор, пока полная невозможность свернуть с этого пути не становится абсолютно очевидной. Но к этому времени накапливается большое количество нерешенных проблем, возникают серьезные социальные напряжения, и остается только сожалеть об упущенных возможностях и пытаться наверстать упущенное, что никогда не бывает легко.

Смысл предлагаемого в настоящем исследовании прогноза заключается в том, чтобы предупредить российское общество об ожидающих его демографических вызовах и предложить задуматься над возможными ответами на них. Выработка таких ответов, учитывающих как значительность самих вызовов, так и ограничения, накладываемые на любое политическое действие экономическими, идеологическими и политическими реальностями, сам по себе требует немалых междисциплинарных усилий и немалого времени. Чем раньше такая работа будет начата, выполнена и востребована, тем большего ущерба для страны удастся избежать.

1. Аналитический демографический прогноз до 2050 г.

1.1. «Инерционный» и «целевой» прогнозы. Стохастический прогноз

Один из серьезных вызовов, с которыми Россия столкнулась на рубеже столетий, – сокращение численности ее населения.

Население России в XX в. сокращалось четыре раза, последний раз – начиная с 1992 г. К этому времени оно достигло своей максимальной за всю историю численности (148,7 млн человек), а затем начало сокращаться. К середине 2002 г. оно превысила 4,8 млн человек, или 3,2%, в то время как за предшествующее десятилетие число россиян увеличилось на 8,7 млн человек, или на 6,2%.

В отличие от предыдущих периодов, когда убыль населения была обусловлена острейшими социальными потрясениями – Первой мировой и гражданской войнами, голодом и репрессиями 1930-х гг., Второй мировой войной, – это последнее сокращение, продолжающееся и в новом столетии, вызвано устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян. Поэтому рассчитывать на то, что нынешняя убыль населения окажется преходящей и в недалеком будущем восстановится его положительный естественный прирост, а вместе с тем и рост числа жителей страны, не приходится. Убыль населения России, скорее всего, примет затяжной характер. На этом сходятся все авторы демографических прогнозов для России, несмотря на заметные расхождения конкретных прогнозных оценок.

Таблица 1. Численность населения России в 2050 г. по некоторым прогнозам, в млн чел.

Автор прогноза	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение
С. Ермаков, О. Захарова (ИСПИ РАН), 1999	71,4	89,6	80,2
ООН, 2000	96,1	113,1	104,3
ООН, 2002			101,5
А. Андреев на основе сценариев Госкомстата РФ, 2001	79,4	120,6	101,2
А. Антонов, В. Медков, 2001	84,6	108,0	94,4
В. Архангельский, 2001	76,5	103,9	90,6

Предсказать с абсолютной точностью, как будут меняться численность и возрастная структура населения России в ближайшие полвека, нельзя. Но можно с высокой степенью надежности очертить вероятные границы этих изменений и рассмотреть весь веер реалистических вариантов демографической эволюции страны в предстоящие 50 лет. Для решения этой задачи разрабатываются специальные аналитические прогнозы (а не прогнозы-предсказания, подобные приведенным в *табл. 1*). В них рассматривается совокупность сценариев, с высокой вероятностью покрывающих всю область теоретически возможных вариантов демографического развития России в нормальных (т.е. без катастрофических обострений) условиях.

Первый такой прогноз, охватывающий период до 2050 г., был разработан два года назад¹. Он показал, что единственным вероятным источником роста населения России в обозримом будущем может быть только приток мигрантов, и позволил проанализировать возможные варианты количественных и структурных изменений населения страны. При

¹ См.: Вишневский А.Г., Андреев Е.М. Население России в первой половине нового века // *Вопросы экономики*, 2001. № 1. С. 27–44.

подготовке настоящего исследования разработан новый аналитический прогноз эволюции населения России до 2050 г. В нем развиваются идеи предыдущего прогноза, но используется более совершенная методология *стохастического* прогнозирования. Кроме того, в нем уточнены некоторые прогнозные гипотезы. Давая несколько иные (но не принципиально иные) количественные оценки, новый прогноз лишь подтверждает основные выводы, полученные при рассмотрении предыдущего прогноза.

Главное отличие нового прогноза от прежнего заключается не в самих сценариях, а в способе их сочетания друг с другом. Переход от прогнозных сценариев отдельных демографических процессов (рождаемости, смертности и миграции) к объединенному прогнозу динамики и структуры населения всегда представляет определенную методологическую трудность. Различные сценарии процессов могут комбинироваться в различных сочетаниях, для выбора которых, как правило, нет достаточных объективных оснований. Скажем, высокий сценарий смертности может сочетаться и с низким, и с высоким сценариями рождаемости или миграции и т.д. Помимо того, что число таких комбинаций достаточно велико (при 5 сценариях для каждого процесса это число составляет 125), даже если такое количество прогнозов и выполнено, затем очень трудно отдать предпочтение каким-либо из них.

В предлагаемом прогнозе эта трудность преодолевается с помощью недавно появившегося принципиально нового метода – «вероятностного», или «стохастического» прогнозирования в том его варианте, который был предложен в работах В. Лутца, В. Сандерсона и С. Щербова². Выполненный по этому методу прогноз представляет собой объединенный результат серии стохастических имитаций возможных комбинаций сценарных переменных. Каждая имитация есть независимый прогноз для комбинации сценарных переменных, возникающей в случайном порядке при условии нормального распределения вероятностей появления любого из сценариев изменений рождаемости, смертности и миграции. При таком подходе преодолевается субъективизм при объединении этих не жестко зависящих друг от друга сценариев, а результаты прогноза указывают не на одну-единственную траекторию развития, а на «пучок» траекторий, каждая из которых может реализоваться с большей или меньшей вероятностью.

Настоящий прогноз получен на основе 1000 стохастических имитаций.

Для России такой прогноз выполнен впервые.

При его разработке рассматривались два типа задач и соответственно строились два типа прогнозов: «инерционные» и «целевые».

В первом случае анализировалась совокупность вариантов изменений численности и структуры населения России при экзогенно задаваемых прогнозных сценариях рождаемости, смертности и миграции, опирающихся на наблюдаемые тенденции каждого из этих трех процессов.

Во втором случае рассматривалась совокупность тех же самых изменений, возможных при экзогенно задаваемой цели: сохранении постоянной численности населения России. При этом сохраняются также экзогенно задаваемые сценарии изменений рождаемости и смертности, тогда как миграционный прирост становится эндогенным, выходным параметром прогноза.

² Lutz, W., Sanderson, W. and Scherbov, S. The end of world population growth // Nature. 2001. Vol. 412. P. 543–545; Lutz, W., Saarihuoma P., Sanderson, W. and Scherbov, S. New Developments in the Methodology of Expert- and Argument-Based Probabilistic Population Forecasting // International Institute for Applied Systems Analysis, Laxenburg, Austria. Interim Report IR-00-020. 2000; Lutz, W., Sanderson, W. and Scherbov, S. Doubling of world population unlikely // Nature 1997. Vol. 387. P. 803–805; Lutz, W. and Scherbov, S. An expert-based framework for probabilistic national population projections: The example of Austria // European Journal of Population. 1998. Vol. 14. P. 1–17.

При задании сценариев развития каждого из процессов определяется «вилка» возможных траекторий – предельно низкие и предельно высокие значения, которые, как предполагается, с 90%-ной вероятностью ограничивают область потенциальных изменений экзогенно задаваемых переменных.

Значения сценарных переменных в этом интервале описываются нормальным распределением с данными доверительными границами. В каждый момент времени значение сценарных переменных определяются как случайная величина с указанным распределением. В процессе стохастической имитации для каждого момента времени для всех сценарных переменных, характеризующих один процесс, допускается равное (в смысле вероятности) отклонение от средней.

На протяжении прогнозного периода допускаются смены тенденции каждого процесса, но их число не превосходит 3; варианты 0, 1 или 2 изменения тенденции на протяжении 50 лет равновероятны. Отметим, что общая динамика населения России в послевоенный период удовлетворяет этой гипотезе, хотя вообще число изменений тенденций почти не влияет на результаты моделирования.

Тренд сценарных переменных описывается достаточно плавными кривыми, максимальное годовое изменение этих показателей не больше максимального их годового изменения в послевоенный период.

1.2. Сценарии «инерционного» прогноза

1.2.1. Сценарии изменений рождаемости

Рождаемость в России снижалась на протяжении всего XX в. В середине 60-х гг. она впервые опустилась ниже уровня простого возобновления поколений и продолжала падать, в 90-е гг. эти тенденции усилились. Обобщая опыт изменений российской рождаемости за сто лет, можно с уверенностью сказать, что, судя как по количественным параметрам рождаемости, так и по стоящим за ними прокреативным поведением людей, Россия эволюционировала в сторону все большей конвергенции с другими урбанизированными и индустриально развитыми странами мира, для которых, как правило, характерна низкая, а в последнее время – очень низкая рождаемость.

Ключевые стратегические параметры глобальной демографической ситуации, так же как и основные черты образа жизни населения промышленно развитых стран, в ближайшие 50 лет едва ли существенно изменятся. Соответственно маловероятно, что в этих странах произойдет поворот к росту рождаемости или что Россия окажется вне общего движения наций с примерно таким же, как у нее, уровнем экономического и социального развития. Скорее можно ожидать, что до 2050 г. в России, как и во всех этих странах, сохранится нынешний низкий уровень рождаемости, не исключено и ее дальнейшее падение.

Впрочем, учитывая недостаточность сегодняшних знаний о механизмах, формирующих динамику рождаемости, нельзя полностью исключать и ее некоторое повышение. Разрабатывая аналитический прогноз, предназначенный для достаточно широкого использования, следует учитывать и позицию тех исследователей и политиков, которые убеждены в возможности проведения эффективной пронаталистской политики.

В связи с этим при выборе гипотез изменений уровня рождаемости целесообразно установить весьма широкую «вилку» его возможных значений. В настоящем прогнозе она даже расширена, по сравнению с предыдущим.

Предельно высокий сценарии допускают долговременный подъем рождаемости, в результате которого ее уровень к 2050 г. достигнет 2,15 рождений на 1 женщину, что обеспечит положительный естественный прирост.

Предельно низкий сценарий, напротив, исходит из того, что примерно до 2005 г. сохранится тенденция снижения рождаемости, после чего ее уровень стабилизируется на уровне 0,95 рождений на одну женщину. Это – минимальный уровень из фиксировавшихся в одном регионе (в данном случае – в Санкт-Петербурге) в течение нескольких лет. Он означает, что 40% женщин имеют 1 ребенка, 20% – 2 детей и 10% – 3 и более детей, а 30% женщин вообще бездетны, причем для 25% отказ от рождения детей – сознательное решение. Отметим, что, согласно общероссийским таблицам рождаемости по очередности рождений, доля бездетных никогда не поднималась выше 11% (вероятность первого рождения не опускалась ниже 0,89³).

Таблица 2. Коэффициент суммарной рождаемости в России в 1959–2000 гг. и предельные прогнозные сценарии до 2050 г.

Годы	Сценарии	
	предельно низкий	предельно высокий
1959	2,60	2,60
1975	1,98	1,98
2000	1,21	1,21
2025	0,95	1,93
2050	0,95	2,15

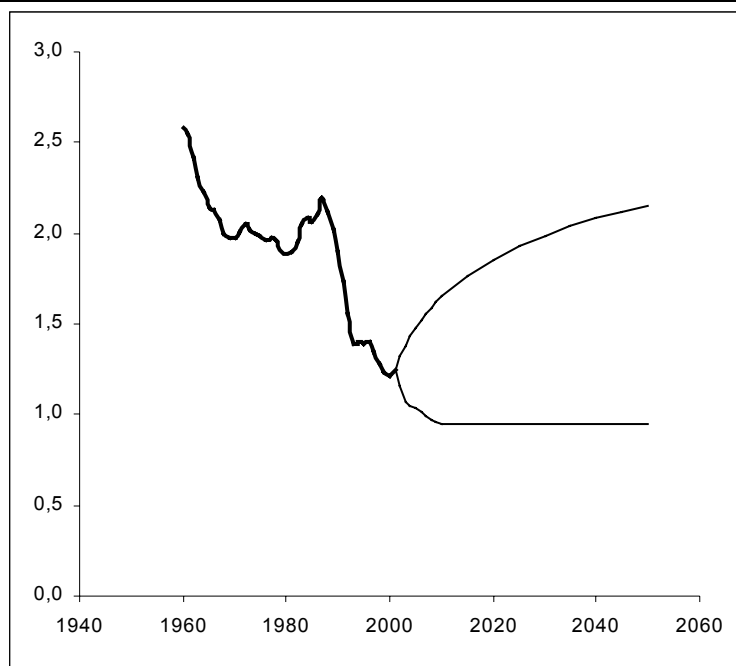

Рисунок 1. Коэффициент суммарной рождаемости в России в 1959–2000 гг. и «вилка» прогнозных сценариев до 2050 г.

1.2.2. Сценарии изменений смертности

Если динамика рождаемости в России очень похожа на ту, что сложилась в большинстве промышленных стран, то по динамике смертности она сильно от них отличается. Непрерывное снижение смертности, характерное для этих стран, в России приостановилось несколько десятилетий назад. Тем не менее мировой опыт свидетельствует, что такое снижение в принципе возможно, и именно поэтому сокращение смертности в России до 2050 г. представляется более вероятным, чем повышение рождаемости.

³ Андреев Е.М. и Баркалов Н.Б. Таблицы рождаемости по очередности рождений // Вопросы статистики, 1999. № 5. С. 64–66.

Успехи в борьбе со смертностью гораздо более явно и прямо связаны с общей социально-экономической ситуацией, нежели тенденции рождаемости. Можно надеяться, что изменение этой ситуации, подготавливаемое нынешними реформами, рано или поздно приведет к перелому тенденций в российской смертности, и она начнет снижаться такими же темпами, какими она снижалась в последние десятилетия в Западной Европе. В то же время нельзя полностью исключить пусть и маловероятную, но затяжную стагнацию, подобную той, которая наблюдается в России вот уже почти 40 лет.

Как и для рождаемости, для смертности рассматривается «вилка» прогнозных гипотез, покрывающих очень широкий спектр возможных изменений продолжительности жизни, – от предельно низкого до предельно высокого.

Предельно низкий сценарий предполагает, что в ближайшие годы снижение продолжительности жизни продолжится тем же темпом, что в 1965–1980 гг. Но и в этом случае рост смертности не может быть неограниченным. Пороговым уровнем представляется ситуация, когда разрыв продолжительности жизни мужчин и женщин достигнет 15 лет (примерно 2008 г.). При этом продолжительность жизни мужчин упадет до 57 лет и станет ниже, чем в 1955 г.

Напротив, предельно высокий сценарий предусматривает переход в ближайшие годы к росту продолжительности жизни, который для мужчин и женщин суммарно будет иметь тот же темп, что в странах Европейского Союза в 1970–2000 гг. (0,23–0,24 года за 1 год). Предполагается, что темп роста у мужчин будет несколько выше, а у женщин – несколько ниже, чем в странах ЕС с тем, чтобы к 2050 г. разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами не превосходил 10 лет.

Прогнозные гипотезы изменений продолжительности жизни представлены в *табл. 3* и на *рис. 2*.

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1959–2000 гг. и прогнозные сценарии до 2050 г., лет

Год	Сценарии			
	Мужчины		Женщины	
	предельно низкий	предельно высокий	предельно низкий	предельно высокий
1959	63,2	63,2	71,7	71,7
1975	62,6	62,6	73,2	73,2
2000	59,0	59,0	72,2	72,2
2025	57,0	68,1	71,5	79,0
2050	57,0	74,5	71,5	84,5

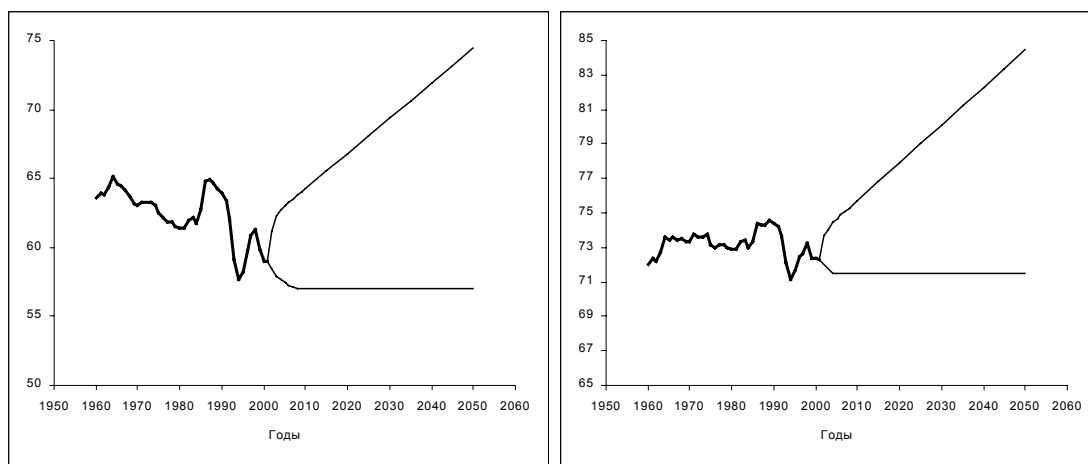

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1959–2000 гг. и «вилка» прогнозных сценариев до 2050 г., лет

1.2.3. Сценарии изменений внешней миграции

В случае внешней миграции выбор прогнозных гипотез намного более сложен, чем в случае рождаемости и смертности, которые во многом определяются общемировыми, универсальными тенденциями. Миграционные потоки больше зависят от конкретных условий места и времени. В России сама роль миграции как фактора динамики населения в последнее десятилетие коренным образом изменилась, так что ее прошлые тенденции обладают весьма небольшой предсказательной силой. К тому же интенсивность и направления миграционных потоков намного более чувствительны к проводимой государством политике, чем характеристики рождаемости или смертности.

В связи с этим «вилка» используемых экзогенных сценариев миграции не может претендовать на столь же широкий охват всех возможных вариантов развития событий, какой возможен при прогнозировании рождаемости и смертности. В данном случае такая «вилка», скорее, обеспечивает учет некоторого фонового уровня миграционных перемещений, происходящих с большей или меньшей «обычной» интенсивностью, но не отражает возможных коренных изменений, рассмотрение которых выделяется в самостоятельную задачу. В этом смысле все рассматриваемые сценарии внешней миграции – от предельно низкого до предельно высокого – «инерционные». Именно использование такого набора сценариев миграции отличает «инерционные» прогнозы от «целевых», в которых набор сценариев миграции определяется поставленной заранее целью сохранить постоянную численность населения России.

Варианты подобного «инерционного» прогноза различаются деталями экстраполяции прошлого тренда, а также оценкой природы недавнего значительного сокращения объемов миграции. Предельно высокий вариант допускает, что это сокращение носит кратковременный характер и более ориентируется на тенденции, существовавшие до 1998 г., предельно низкий, напротив, основан на допущении, что оно закономерно и необратимо.

Объектом экстраполяции служат показатели интенсивности миграции, т.е. отношение числа мигрантов к ожидаемой численности населения. Предполагается, что оно изменяется до 2015 г., а далее остается неизменным. Соответствующие экстраполированным интенсивностям прибытия и выбытия объемы чистой миграции (разницы между числами прибывших и выбывших) представлены на *рис. 3*. На фоне многолетней истории «вилка» прогнозных значений на графике выглядит достаточно естественно.

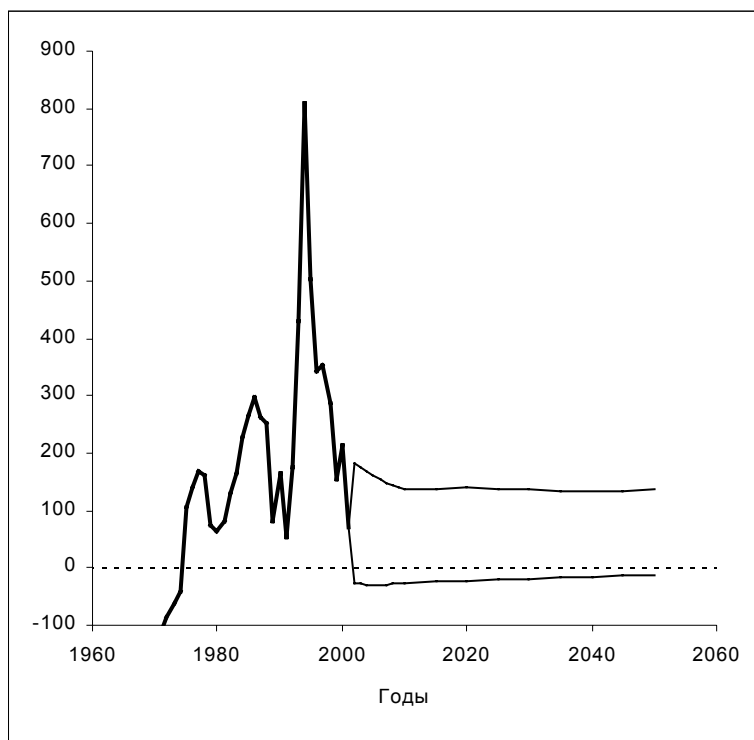

Рисунок 3. Фактическая динамика и «вилка» прогнозных сценариев «инерционной» чистой миграции в Россию, тыс. чел.

1.3. Сценарии «целевого» прогноза

Расчеты показывают, что при любом сочетании инерционных сценарных гипотез, находящихся внутри очерченных на графиках областей (рис. 1, 2 и 3), население России в течение ближайших 50 лет будет довольно быстро убывать.

При каких условиях можно было бы избежать сокращения численности населения страны? Этот вопрос уже рассматривался в рамках предыдущего аналитического прогноза населения России до 2050 г., выполненного традиционными методами. Общая логика этого рассмотрения сохраняется и в настоящем исследовании — применительно к несколько уточненным прогнозными сценариям.

Есть только два способа преодолеть сокращение численности населения и обеспечить ее долговременную стабильность: повышение рождаемости и увеличение иммиграции. Каковы реальные возможности каждого из этих путей?

1.3.1. Какой уровень рождаемости может обеспечить стабильную численность населения?

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, была выполнена серия прогнозных расчетов населения России в соответствии с экзогенно задаваемыми сценариями смертности и миграции. На каждом шаге прогноза подбирался такой коэффициент суммарной рождаемости, который обеспечил бы неизменную численность населения России на уровне 2000 г.

Для большей наглядности результата, расчеты производились традиционным методом, при котором лучший сценарий смертности объединялся с лучшим сценарием миграции, худший — с худшим, средний — со средним (при вероятностном прогнозе разные сценарии комбинируются в случайном порядке). Сами эти сценарии были отобраны среди вариантов, лежащих внутри очерченных выше предельно широких областей возможных изменений смертности и миграции, причем на некотором удалении

от предельно высоких и предельно низких сценариев, чтобы исключить наименее вероятные варианты (табл. 4).

Таблица 4. Инерционные сценарии изменений продолжительности жизни и миграции, используемые при расчете «целевого» уровня рождаемости

Годы	Варианты		
	низкий	средний	высокий
Ожидаемая продолжительность жизни мужчин, лет			
2025	58,8	62,8	65,9
2050	60,0	65,3	70,9
Ожидаемая продолжительность жизни женщин, лет			
2025	72,8	74,9	76,9
2050	74,0	77,6	81,0
Годовая чистая миграция, тыс. человек			
2025	29	73	105
2050	19	57	93

Расчеты показали, что даже самые благоприятные сочетания низкой смертности и высокой «инерционной» миграции требуют для поддержания неизменной численности россиян такого уровня суммарной рождаемости, который вплоть до 2033 г. оказывается выше, чем «предельно высокий», указанный в табл. 2 и на рис. 1. При менее благоприятных изменениях смертности и миграции требуемый уровень рождаемости еще выше. Следует иметь в виду, что для достижения поставленной цели недостаточно просто повысить рождаемость до уровня простого замещения поколений, необходимо еще компенсировать малочисленность материнских поколений, вызванную снижением рождаемости, происшедшим в 1990-е гг. А для этого рождаемость должна хотя бы на какое-то время повыситься до 2,5–3 рождений на одну женщину (рис. 4).

Подобный рост уровня рождаемости в России весьма маловероятен. Трудно себе представить, что уровень рождаемости уже в ближайшее время поднимется выше 2,1 ребенка на 1 женщину, затем превысит 2,5 рождений, а тем более повысится почти до 3 рождений. Ничто не указывает на возможность подобного развития событий.

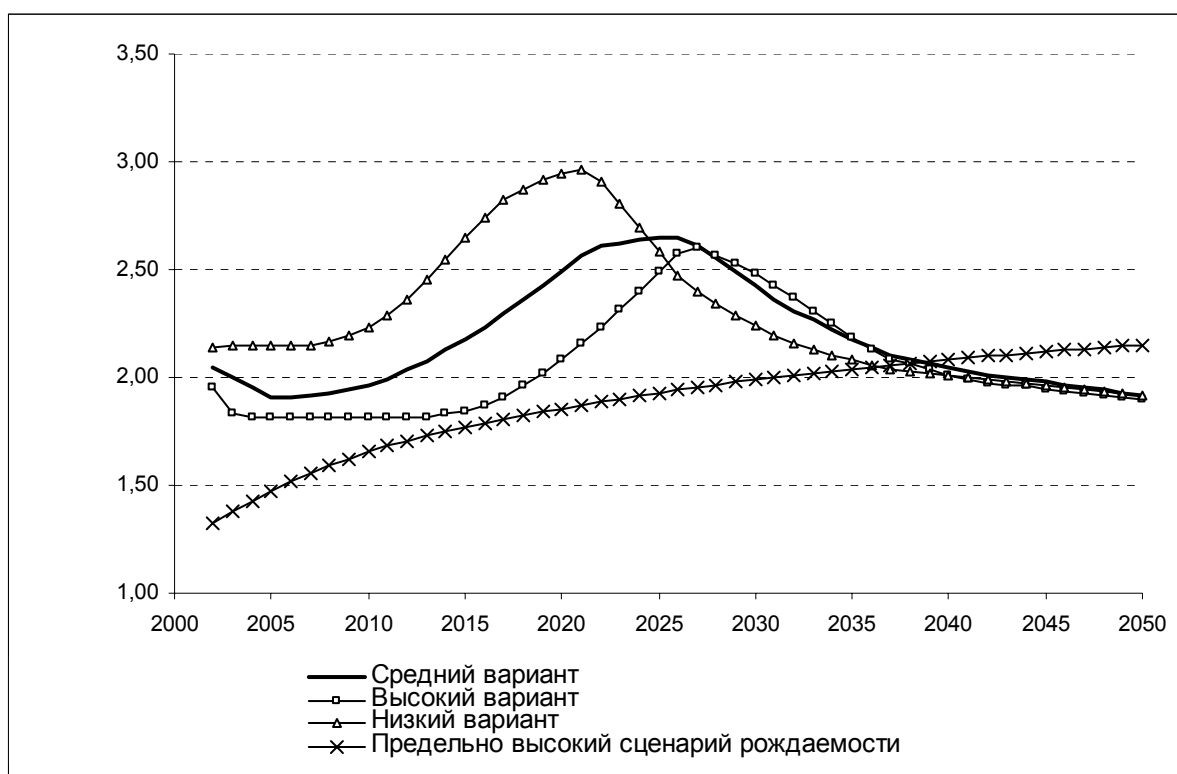

Рисунок 4. Коэффициент суммарной рождаемости, обеспечивающий стабильную численность населения России до 2050 г. при условии, что смертность и миграция меняются в соответствии с прогнозными вариантами, приведенными в *табл. 4*, и предельно высокий сценарий рождаемости

Если необходимый для поддержания неизменной численности населения России рост рождаемости маловероятен, то остается единственный источник стабилизации этой численности: иммиграция. Прогнозные расчеты показывают, что ни один из принятых в первоначальных сценариях «фоновых» вариантов миграции не приводит к желаемым результатам. При каких сценариях они все же могут быть достигнуты?

1.3.2. Какой объем иммиграции может обеспечить стабильную численность населения?

Для получения ответа на этот вопрос первоначально прогнозные расчеты были выполнены теми же традиционными методами, что и оценка требуемого уровня рождаемости в предыдущем параграфе. Высокий, низкий и средний инерционные сценарии изменений смертности, представленные в *табл. 3*, соединялись с соответствующими инерционными сценариями рождаемости (*табл. 2*), и на каждом шаге прогноза определялись *дополнительные* объемы чистой миграции в Россию (*рис. 5*).

Таблица 5. Инерционные сценарии изменений коэффициента суммарной рождаемости, используемые при расчете «целевого» уровня чистой миграции

Годы	Варианты		
	низкий	средний	высокий
2025	1,09	1,40	1,66
2050	1,09	1,40	1,75

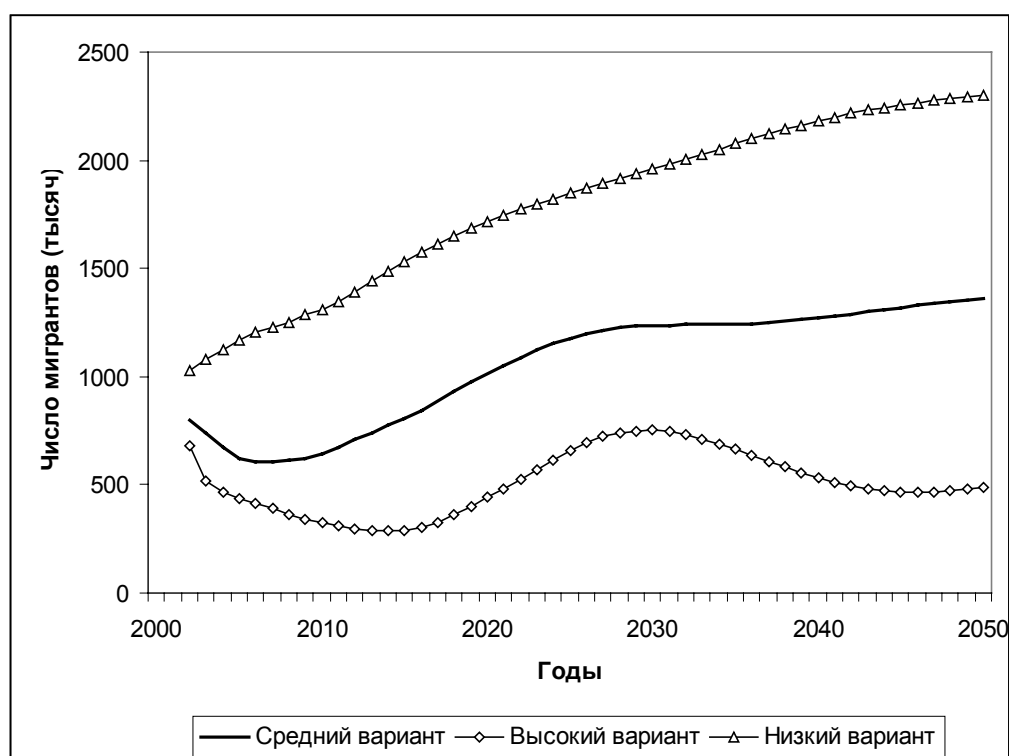

Рисунок 5. Дополнительная к «фоновой» ежегодная нетто-миграция в Россию, необходимая для поддержания неизменной численности населения при разных прогнозных вариантах изменений рождаемости и смертности, в тыс. чел.

Как следует из *рис. 5*, при любых сценариях рождаемости, смертности и «инерционной» миграции, для предупреждения убывания населения России нужна еще очень существенная миграционная добавка, исчисляемая сотнями тысяч человек в год. При более благоприятных тенденциях рождаемости и смертности («высокий вариант» изменений того и другого) примерно после 2030 г. возможно некоторое сокращение потребности в «дополнительной» иммиграции, хотя она все равно должна оставаться довольно значительной – на уровне 500–600 тыс. человек в год. При неблагоприятной эволюции рождаемости и смертности эти объемы должны быть значительно большими и все время растущими.

Обеспечить такие объемы чистой миграции далеко не просто, и, скорее всего, они не будут достигнуты. Тем не менее увеличение притока иммигрантов, может быть, и не столь большое, но все же значительное, представляется более вероятным, чем резкий рост рождаемости, что и побуждает рассматривать миграционный приток как важнейший компонент «подпитки» населения России в будущем. Но чтобы это произошло, надо сломать существующую инерцию сокращения иммиграции и придать миграционному притоку значение целевого параметра. Это соображение и приводит к тому, что рядом с инерционным прогнозом, который в большей или меньшей степени увековечивает сложившиеся тенденции, появляется целевой прогноз, позволяющий анализировать перспективы населения России при условии преодоления инерции за счет резкого расширения миграционного притока в страну. В дальнейшем анализируются оба эти варианта.

Оценки потребности в целевой «замещающей» миграции, сделанные уже на основе стохастического прогноза и включающие как «инерционный», так и «дополнительный» компоненты, сведены в *табл. 6*.

Таблица 6. Чистая миграция – фактическая в 1981–2000 гг. и необходимая для поддержания неизменной численности населения России в 2001–2050 гг., тыс. чел.

Годы	Среднегодовая чистая миграция		
	Фактическая		
1981-1985	164		
1986-1990	147		
1991-1995	404		
1996-2000	270		
	Прогнозируемая		
	Медианное значение	С 60%-ным доверительным интервалом	С 95%-ным доверительным интервалом
2001-2005	721	612-838	484-1000
2006-2010	853	614-1110	348-1453
2011-2015	874	547-1222	187-1668
2016-2020	998	626-1393	205-1888
2021-2025	1164	801-1542	406-2045
2026-2030	1256	918-1636	572-2218
2031-2035	1267	874-1695	482-2329
2036-2040	1256	794-1743	272-2458
2041-2045	1253	745-1772	130-2566
2046-2050	1252	752-1796	71-2678

Из таблицы следует, что для поддержания численности населения России на уровне начала XXI в. (146 млн человек) нужно было бы, уже начиная с первого года нового столетия, принимать ежегодно, в среднем, более 700 тыс. человек в год (нетто-миграция) и постепенно наращивать этот объем до 2030–2035 гг., когда он должен ежегодно составлять 1,2–1,3 млн человек. Эти цифры указывают на медианное значение чистой миграции, но, в зависимости от развития событий в рамках принятых сценарных гипотез рождаемости и смертности, возможны колебания вокруг названных величин, как это указано в двух последних колонках таблицы.

Сейчас Россия далека от приема такого количества иммигрантов. Даже если считать, что официальные данные сильно занижают масштабы притока населения в страну и имеется еще значительное число нелегальных и не регистрируемых иммигрантов, общие размеры нетто-миграции едва ли достигают даже половины ее желательного, с точки зрения поддержания стабильной численности населения России, объема. На фоне нынешних показателей перспектива уже в ближайшие десятилетия поддерживать чистую миграцию в Россию на уровне 600–800 тыс., а то и 1 млн человек в год кажется мало реальной. Однако рано или поздно явная невозможность поддерживать хотя бы постоянную численность населения в России за счет только баланса рождений и смертей неизбежно заставит обратиться к миграционному ресурсу, а то, что это произойдет не раньше, а позже, станет лишь источником дополнительных потерь.

2. Основные результаты прогноза

2.1. Сокращение численности населения

Согласно расчету, при принятых гипотезах численность населения России в начале 2051 г. с вероятностью 0,95 будет находиться в вилке 71 – 127 млн человек. При уменьшении доверительного интервала до 80%, т.е. при некотором снижении надежности прогноза, сужается и вилка возможных значений: от 86 млн до 111 млн человек к началу 2051 г. Медианное же значение прогнозной численности населения России к этому моменту по всей серии имитированных прогнозов – 98 млн человек.

Таблица 7. Численность населения России: фактическая в 1950, 1975 и 2000 гг. и по прогнозу на 2025 и 2050 гг., млн чел.

Годы	Медианное значение прогноза	Прогноз с 80%-ным доверительным интервалом	Прогноз с 95%-ным доверительным интервалом
1950	102	102	102
1975	134	134	134
2000	146	146	146
2025	124	118-130	111-137
2050	98	86-111	71-127

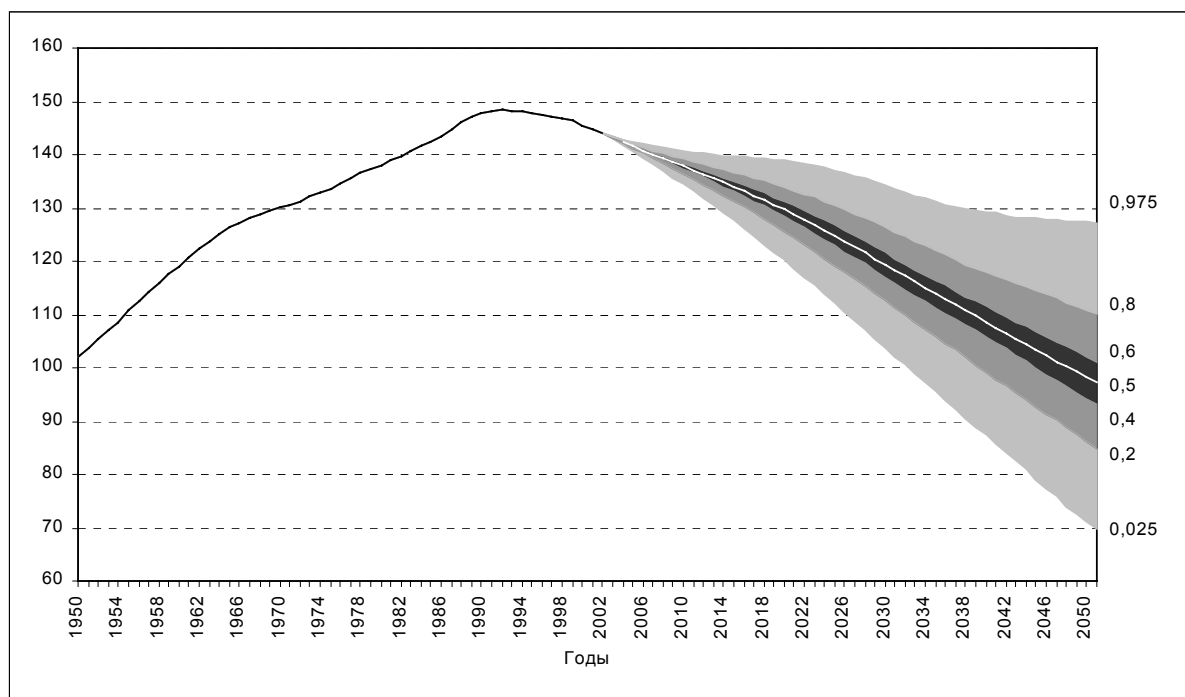

Рисунок 6. Численность населения России в 1950–2000 гг. и по прогнозу на 2000–2050 гг. при разных доверительных интервалах, в млн чел.
Инерционные сценарии

2.2. Последствия сокращения численности населения

Нельзя отрицать, что прием значительной массы иммигрантов способен породить очень сложные проблемы. Нельзя ли его избежать? Почему Россия не может обойтись

меньшим, чем сейчас, населением? В чем вообще смысл большей или меньшей его численности?

Неоспоримых доказательств того, что численность населения всегда и везде должна обязательно увеличиваться, нет. К тому же ее динамику нельзя рассматривать в отрыве от других перемен в демографическом бытии людей. Сокращение прироста численности населения или даже отрицательный прирост до известной степени компенсируются одновременным ростом демографического потенциала, т.е. совокупного числа прожитых этим населением человеко-лет вследствие увеличения продолжительности жизни.

При росте ожидаемой продолжительности жизни для мужчин от 50 до 75 лет и для женщин до 80 лет (путь, пройденный многими промышленными странами в XX в.) совокупное время, проживаемое поколением, увеличивается у мужчин в 1,5 раза, у женщин – в 1,6 раза. Так что в определенном смысле 725 млн европейцев с современной продолжительностью жизни занимают на Земле больше места, чем 1 млрд человек со сроками жизни, характерными для рубежа XIX–XX вв. А 145 млн современных жителей России, где в начале XX в. ожидаемая продолжительность жизни не достигала 35 лет, даже при их относительно низкой для конца XX в. нынешней продолжительности жизни (67 лет для обоих полов) эквивалентны примерно 280 млн россиян конца XIX в.

Вместе с тем нельзя не видеть, что, по многим соображениям, убыль населения крайне невыгодна России.

2.2.1. Потеря Россией высокого места в мировой демографической иерархии

Россия стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии.

100 лет назад население Российской империи (по переписи 1897 г.) составляло 129 млн человек (примерно 8% мирового населения), а население собственно России – 71,1 млн – 4,4% (1900 г.).

Даже в 1950 г. доля собственно России составляла более 4%, а доля СССР, еще не восстановившего свое довоенное население, – 7,1% (178,5 млн). (Россия достигла своей довоенной численности к началу 1954, СССР – к началу 1955 г.) Теперь же (начало 2002 г.) постоянное население России (51% населения бывшего СССР в 1990 г.) – 144 млн человек – всего 2,4% мирового населения. Доля эта быстро падает и, по всем прогнозам, будет падать и в дальнейшем. Как уже отмечалось (*табл. 1*), последний прогноз ООН (пересмотра 2002 г.) определяет численность населения России на 2050 г. по «среднему» варианту в 101,5 млн человек (1,1% населения мира).

При этом Россия занимает почти 13% мировой суши – самая большая в мире, но и самая малонаселенная территория. Она соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляют претензии на российские территории.

Таблица 8. Ранговое место России по численности населения в 1950, 2000 и 2050 гг. (средний вариант прогноза ООН, 2002 г.)

1950			2000			2050		
Ранг	Страна	Население, в млн	Ранг	Страна	Население, в млн	Ранг	Страна	Население, в млн
1	Китай	554,7	1	Китай	1275,2	1	Индия	1531,4
2	Индия	357,6	2	Индия	1016,9	2	Китай	1395,2
	СССР	178,5						
3	США	157,8	3	США	285,0	3	США	408,7
4	Россия	102,7	4	Индонезия	211,6	4	Пакистан	348,7
			5	Бразилия	171,8	5	Индонезия	293,8
			6	Россия	145,6	6	Нигерия	258,5
						7	Бангладеш	254,6
						8	Бразилия	233,1
						9	Эфиопия	171,0
							Дем. респ.	
						10	Конго	151,6
						11	Мексика	140,2
						12	Египет	127,4
							Филиппин	
						13	ы	127,0
						14	Вьетнам	117,7
						15	Япония	109,2
						16	Иран	105,5
						17	Уганда	103,2
						18	Россия	101,5
Доля России в мировом населении								
4,1%			2,4%			1,1%		

Главные причины потери Россией своего места в мире находятся как вовне, так и внутри нее.

Внешняя причина – демографический взрыв, который резко ускорил рост населения обгоняющих Россию развивающихся стран.

Внутренних причин, по меньшей мере, две. Одна из них – демографические потери в катастрофах первой половины XX в. Если бы этих потерь и их автоматических демографических последствий не было, нынешнее население России было бы на 100–125 млн человек больше, чем фактически имеющееся.

Вторая причина – общие для всех развитых стран, хотя и имеющие в России свою специфику, эволюционные изменения в процессе демографического перехода, приведшие к быстрому снижению рождаемости.

Отмечая несомненную общность демографических процессов во всех постпереходных странах, нельзя в то же время не видеть и отличий в современной динамике их населения. Особенно невыгодно для России сравнение с США. За 10 лет между переписями 1990 и 2000 гг. население США выросло на 32,7 млн чел. – самый большой абсолютный прирост за межпереписной период в истории страны. Мы же за 10 лет сокращения населения (1992–2002 гг.) потеряли 4,4 млн. США в 1950 г. находились на 3 месте в мире и в 2050 г. сохраняют свое место. Россия за то же время передвинется с 4 на 18 место. Опыт США показывает, что и для развитых стран **возможна альтернативная демографическая стратегия**. Один из ее главных компонентов – крупномасштабная иммиграция.

2.2.2. Усиление несоответствия между численностью населения и территорией России

Если потеря Россией своего «демографического веса» в мире – новое явление, то несоответствие между численностью населения России и размерами ее территории – давно и хорошо известная проблема. Россия всегда была слабо освоенной многоземельной страной с очень низкой плотностью населения, но эти ее качества стали особенно ощутимыми после распада СССР, от которого Россия унаследовала три четверти территории, но только половину населения. Если России недостаточно ее нынешнего населения, то она тем более будет испытывать трудности при сокращении его численности.

Хотя Россия входит в число крупнейших по числу жителей стран мира, существует очевидное несоответствие между ее населением и размерами территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т.п.

Если европейская часть России по плотности населения сопоставима с США (в Европейской России – 27, в США – 29 человек на 1 кв. км), то по сравнению со странами Западной Европы не слишком населено даже ее историческое ядро. 1/5 населения страны сосредоточена в Центральном экономическом районе, занимающем менее 3% ее территории. Но и здесь плотность населения (свыше 62 человек на 1 кв. км.) почти вдвое ниже, чем в Европейском Союзе (119 человек на 1 кв. км). Что же касается азиатской части страны, то проблема ее заселения так и не была решена. Азиатская Россия занимает 75% всей территории страны, но в ней проживает всего 22% ее населения при плотности 2,5 человека на 1 кв. км. Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и для создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры. Дальневосточные же соседи России имеют громадное и растущее население, но ограниченные земельные и другие природные ресурсы. Вдобавок ко всему, население Азиатской России, убывает еще быстрее, чем население всей страны, что лишь отчасти обусловлено конъюнктурными обстоятельствами кризисного периода. Сказывается и общая ограниченность российского демографического потенциала.

Разумеется, территория России не однородна и не вся пригодна для заселения. По размерам эффективной для жизни территории (1/3 страны с высотами до 2000 м и среднегодовой температурой не ниже -2°C) Россия занимает только пятое место в мире. Тем не менее основные части страны населены равномернее, чем в США, Канаде, Китае, что видно из сравнения по 10–12 районам (*табл. 9*). В России они сильнее разнятся по площади, а контрасты населения и его плотности все равно меньше. Даже перекройка Сибири с целью более четкого выделения полярных пустынь «по-канадски» сближает РФ с США, но не с Китаем и Канадой: перепад плотности между контрастными районами составляет у нас 145 раз, в Китае – 280, в Канаде – 950 (с новой, 12-й эскимосской территорией Нунавут – 1250 раз).

Таблица 9. Показатели неравномерности заселения ряда стран по 10–12 макрорайонам к началу 1990-х гг.

Показатели	Россия		Китай	США	Канада
	Число районов				
	11*	12**	12***	10****	11*****
Площадь:					
Кoeffициент вариации	13,3	8,1	8,7	4,6	9,4
Отношение максимума к минимуму, раз	37	29	20	13	56
Население:					
Кoeffициент вариации	2,5	3,6	4,6	3,4	15,9
Отношение максимуму к минимуму, раз	5	15	115	27	353
Плотность населения:					
Отношение максимуму к минимуму, раз	49	144	283	137	952

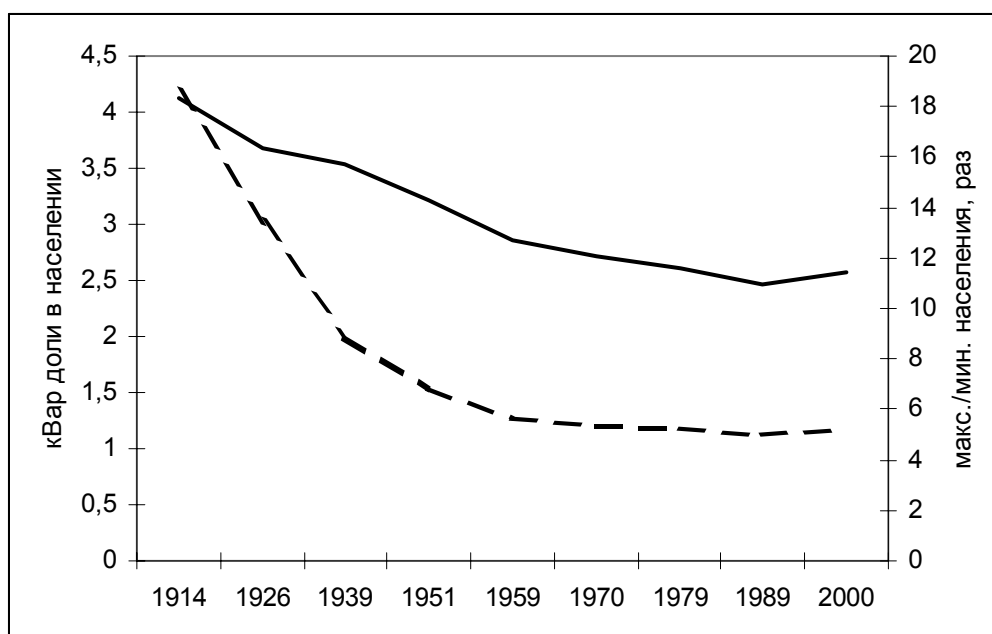
* Крупные экономические районы (Калининградская область в составе Северо-Запада).

** Те же в Европейской России и альтернативные районы на Востоке, выделенные по широтному принципу: Северная Сибирь, Северо-Восток, Южная Сибирь и Забайкалье.

*** «Районы кооперации».

**** Районы Бюро цензов, Аляска и Гавайи (вместе).

***** Провинции (Новая Шотландия вместе с о. Принца Эдуарда) и две территории.

Рисунок 7. Динамика индикаторов неравномерности заселения 11 крупных районов России стабильного состава (сплошная линия – коэффициент вариации доли в населении страны, пунктирная линия – отношение максимального населения к минимальному, раз)

Значит, россияне не теснятся где-то в одном углу, а скорее расплылись по своему «океану суши». Процесс такого «расплывания» шел очень активно в первой половине XX в.; даже отток населения с Севера и Востока в 90-х гг. повернул его вспять не слишком резко (рис. 7). Однако равномерное заселение больших пространств по завершении демографического перехода и после всех потерь населения обернулось тонкостью заселенного слоя, чреватой его разрывами, усугубляющей суровость природных условий обитания людей и разреженность пространства.

Так, типичный для России холод усилен особенностями расселения: население у нас более сдвинуто к северу, чем в странах со схожим климатом. Среднегодовая температура (без учета глобального потепления) в среднем по территории составила $-5,5^{\circ}\text{C}$, а с учетом расселения по ней населения, которое «гуще» в более климатически комфортных территориях $+2,8^{\circ}\text{C}$. В Европейской России среднегодовая температура – та же, что и в Швеции, но, так как население последней более тяготеет к южным, менее холодным территориям, среднему шведу на градус теплее, чем россиянину. Для всей территории Канады среднегодовая температура $-4,4^{\circ}\text{C}$, но канадцы расселены так, что живут при $+5,8^{\circ}\text{C}$. Разница превышает 10° против $8,3^{\circ}$ в России. Морозы в Канаде и России стоят более 200 дней. Площадей с зимами по полгода и дольше там 73%, у нас – 69%, а жителей, терпящих такие зимы, в Канаде 2,5%, а в России – 8,5%. Для канадца зима в среднем длится 125 дней, для россиянина – 143 дня.

Таблица 10. Некоторые характеристики «северности» и суровости климата для территорий и населения Канады, России и Швеции

Показатели	Для территории или населения ⁴	Канада	Россия		Швеция
			Вся	Европейская часть	
Средние координаты широты в градусах, округленно	Территория	55	60	58	62
	Население	47	54	54	60
Среднегодовые температуры, $^{\circ}\text{C}$	Территория	-4,4	-5,5	2,2	2,2
	Население	5,8	2,8	4,3	5,2
Период с устойчивыми морозами (ниже 0°), дней	Территория	208	205	155	138
	Население	125	143	133	94
Сумма активных температур (выше 10°), $^{\circ}\text{C}$	Территория	903	1073	1759	1347
	Население	1685	2020	2153	1819

В общем, холод на канадской и российской территориях почти одинаков. Но их Арктика безлюднее, население «прижато» к южной границе, условия для него и для агросектора в целом лучше. Правда, жаркое континентальное лето в России дает больше тепла в вегетационный период. Но, говоря о климатических условиях, нужно учесть и увлажнение. Сравнивая СССР с Северной Америкой (площади их сельскохозяйственных земель были почти равны), всегда находили, что у нас плохо с сочетанием тепла и влаги: где есть одно, там мало другого. В умеренной зоне (а субтропиков у РФ почти нет) доля земель с пригодным для большинства культур сочетанием тепла и влаги меньше, чем в Северной Америке, раз в пять. Контрасты климата, краткий сезон работ и т. п. всегда влияли на агрикультуру и продуктивность хозяйства, может быть, поэтому и урожайность у нас обычно в 2–4 раза ниже⁵.

Россия – не единственная страна в мире с низкой плотностью населения. Всей территории, как и сельскохозяйственных угодий на душу населения, у нее меньше, нежели в Австралии, Канаде, Казахстане; лугов и пастбищ больше в Аргентине, Бразилии, США (табл. 11). В то же время сельскохозяйственная и особенно пахотная освоенность огромной и холодной российской территории не выглядит слабой на фоне этих стран.

⁴ Параметры климата рассчитаны как средние для территорий и населения. В первом случае они взвешены по площади исходных ячеек территории (провинций, областей, особых единиц; всего их 106 в России, 47 в Канаде и 27 в Швеции), а во втором – по их населению, чтобы выяснить, насколько, например, «холодно» самой земле и ее среднему обитателю.

⁵ Field, N. Environmental quality and land productivity: a comparison of the agricultural land base of the USSR and North America // Canadian Geographer, 1968.1. P. 6–12; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Таблица 11. Землеобеспеченность крупных стран мира во второй половине 1990-х гг.

Страны	Площадь, млн га			Доля во всей территории страны, %		В среднем на одного жителя, га		
	Вся	С/х угодий	Пашни	Угодий	Пашни	Всего	Угодий	Пашни
Россия	1707,5	208,4	124,5	12,2	7,3	11,6	1,4	0,8
в том числе:								
Европейская	431,0	138,9	93,7	32,2	21,7	3,7	1,2	0,8
Азиатская	1276,5	69,5	30,8	54,4	24,1	41,4	2,2	1,0
США	936,4	416,0	175,0	44,4	18,7	3,5	1,5	0,7
Канада	997,1	73,4	45,4	7,4	4,6	32,7	2,4	1,5
Китай	959,7	495,0	92,0	51,6	9,6	0,8	0,4	0,1
Бразилия	854,7	251,0	53,5	29,4	6,3	5,3	1,6	0,3
Австралия	774,1	462,5	44,5	59,8	5,8	41,4	24,7	1,8
Аргентина	278,0	169,0	25,0	60,8	9,0	7,7	4,7	0,7
Казахстан	271,7	137,3	25,7	50,5	9,5	17,5	8,9	1,7

О том же говорит сравнение районов России со смежными странами. Если в Финляндии и Швеции распаханно 7,5% площади, то на Северо-Западе РФ – более 10%. В Центре, более лесистом, чем Центральная Европа, тоже заметно выше доля пашни и душевая обеспеченность ею. Ну а Поволжье и Сибирь, где на жителя приходится 2–2,5 га угодий и 1–1,5 га пашни, сравнимы только с самыми многоземельными странами мира. Почти везде, кроме Северного Кавказа, налицо изобилие агроземель, хотя и низкопродуктивных. Однако если учесть, что, по прогнозам, среднемировая обеспеченность пахотными землями к 2050 г. сократится до 0,7 га на 1 жителя планеты, то и такого типа земли будут востребованы еще больше, чем сейчас, а российская обеспеченность пахотными землями в расчете на одного жителя выглядит очень высокой.

Как оценить резервы земель, подходящих для жизни, но малолюдных даже по российским меркам? Ограничимся заселенной (обжитой) территорией, где есть постоянные поселения. По подсчетам 1980-х гг., таких земель в РСФСР было 7,7 млн кв. км (45% ее территории),⁶ но они уже сокращались чаще, чем расширялись. В России начала XXI века площадь заселенных ареалов не превышает 7 млн кв. км (около 40% всей территории).

Однако природные условия и тут комфортны не везде. Их давно оценили по 30 параметрам климата, гидрографии, рельефа, сейсмичности, разнообразия ландшафта и т. д. во всем СССР, исходя из их благоприятности для жителя его средней полосы⁷. Отобрав на заселенных территориях только относительно благоприятные для жизни, получим 5 млн кв. км: 29% площади России с 93% ее жителей. Здесь их плотность достигает в среднем 26–27 человек на кв. км, а сельских – 7 человек на кв. км. Плотность, конечно, варьирует по регионам, что и дает основание для оценки степени их заселенности.

В качестве пороговых значений плотности для выделения *малонаселенных* на российском фоне регионов примем 35 человек на кв. км для всего и 10 человек на кв. км для сельского населения.⁸ При определении *сильно недонаселенных* регионов взяты вдвое

⁶ Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живет советский человек: социальные проблемы управления расселением. М., 1988. С. 57. Почти все население страны обитает как раз в заселенных зонах, где его плотность достигает 21,5 человек на кв. км вместо 8,5 на всей территории.

⁷ Назаревский О.Р. Карта оценки природных условий жизни населения СССР // Ресурсы, среда, расселение. М., 1974. С. 189–198. На 38,4% площади Союза, занятой благоприятной и вполне благоприятной зонами, жили 91,4% населения.

⁸ Второе значение выявлено эмпирически как критический рубеж сравнительно успешного земледелия крупных коллективных хозяйств (Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 300). В основе первого критерия лежит расчет для условно среднего административного района обжитой зоны с

меньшие значения. Площадь обеих категорий «пространственного резерва» превышает 2/3 (3,4 млн кв. км) всей благоприятной для поселения и ныне все же так или иначе заселенной территории РФ. При этом около 1/3 (1,6 млн кв. км) сильно недонаселены, а в сельской местности их доля поднимается до 46% (2,3 млн кв. км).

Распределение всех этих площадей по федеральным округам на рисунках-профилях 8 и 9 подтверждает, что «избыточность» территории в отношении к ее населению особенно велика на севере и востоке России. В Северо-Западном и Дальневосточном округах доминируют хотя и обжитые, но не комфортные для жизни территории (за счет регионов Крайнего Севера); в Центре и на Юге их почти нет. В середине страны, между Волгой и Амуром, основная часть пригодных к заселению регионов населена слабо и очень слабо, причем в обжитой полосе Сибири огромна площадь регионов с сильным условным дефицитом жителей. Зона «достаточного» сельского заселения за Волгу и не заходит, хотя абсолютный лидер тут Приволжский округ (а по доле земель с «достаточным» сельским населением – Южный). Центральный же округ первенствует по площади такого заселения в целом, хотя ее немногим больше, чем на Юге и в Приволжье.

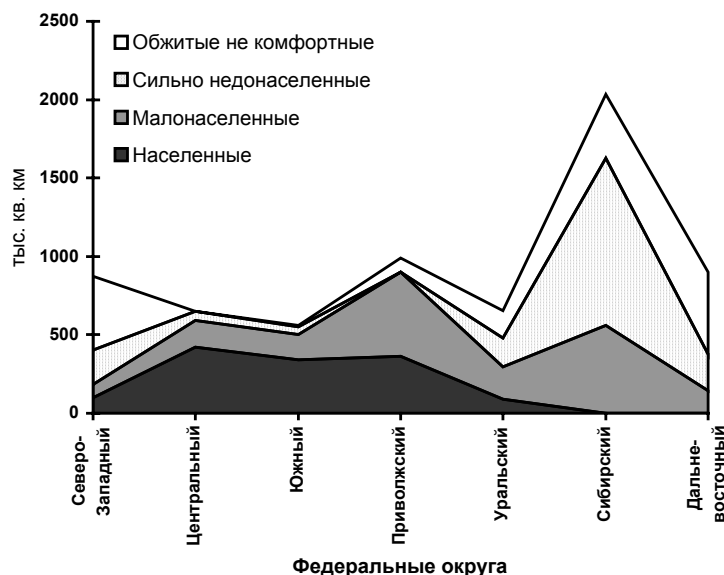

Рисунок 8. Распределение заселенных территорий регионов России с разным уровнем «достаточности» населения по федеральным округам

площадью примерно 2 тыс. кв. км и «нормальной населенностью» при наличии 50 тыс. горожан (один средний город либо ряд малых), плюс 20 тыс. сельских жителей (та же «норма» сельской плотности).

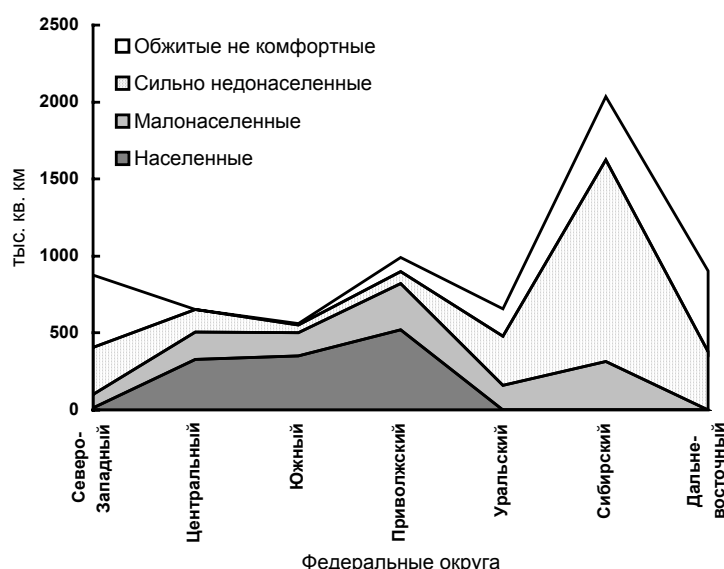

Рисунок 9. Распределение заселенных территорий регионов России с разным уровнем «достаточности» сельского населения по федеральным округам

Можно рассчитать число людей, которых недостает, скажем, для того, чтобы поднять плотность жителей малонаселенных регионов до среднего по РФ уровня (даже не «достаточного», не «оптимального») и чтобы подтянуть совсем отстающие хотя бы до уровня малонаселенных. Применительно к первой задаче получается 9,7 млн человек, а ко второй – 11,3 млн, итого 21 млн. В Европейской России, до Урала, расчетный дефицит составит 5 млн человек, в том числе 3,5–4 млн для решения первой задачи. Подсчет сугубо условен (таковы принятые критерии) и к тому же быстро устаревает, становясь все более заниженным с каждым годом сокращения населения и его плотности в большинстве регионов.

К тому же такой расчет не учитывает потребности в городских сгустках населения, без которых не обходится ни одна современная страна. Уже сейчас демографическая слабость России проявляется, в частности, в тенденциях крупногородского расселения. Хотя по доле городского населения Россия находится на среднеевропейском уровне (73%) и не слишком отличается от таких стран, как США (75%) или Япония (77%), сеть крупных городов в ней развита относительно слабо. По числу городов с населением свыше 1 млн человек она уступает США более чем в два раза. После распада СССР в России осталось 13 из 24 советских городов-миллионеров, из них только два – к востоку от Урала. С тех пор несколько городов, терявших население, покинули этот список, на начало 2002 г. их осталось 10 (возможно, перепись внесет некоторые коррективы, но ясно, что целый ряд крупнейших российских городов с трудом поддерживают свой «миллионерский» статус). Всего два российских города насчитывают свыше 2 млн жителей (в США 14 городов имеют численность свыше 2 млн человек, а 8 из них – свыше 3 млн). Развитие крупногородского расселения в России долгое время шло, несмотря на преграды, связанные с действием института прописки и попытками проведения политики ограничения роста крупных городов. Но все же оно до известной степени тормозилось, причем не только искусственными мерами, но и ограниченностью демографических ресурсов.

Конечно, «недоразвитость» крупных городов – свидетельство недостатков регионального развития России, которое сумело породить не так много мощных региональных и межрегиональных столиц. Но здесь есть и обратная связь: приток городского населения к нескольким крупным центрам не позволял сложиться

региональным метрополиям, которые могли бы дать импульс развитию своих регионов. В частности, ограничивающую роль, с точки зрения развития крупногогородского расселения, играет сверхконцентрация населения в Москве и вокруг нее. Важно то, что все это происходит на фоне общей ограниченности демографических ресурсов и, стало быть, конкуренции за них.

В то же время на громадной слабо заселенной и освоенной территории крупнейшие центры тянутся и «жмутся» друг к другу. Эффект их относительного взаимного сближения, судя по средним расстояниям каждого из 10 самых крупных городов до его ближайшего соседа из той же десятки, в России выражен сильнее, чем в СССР, Российской империи, Европейском Союзе и большинстве крупных стран мира (табл. 12). Однако в абсолютном измерении такие дистанции все же длиннее, чем где бы то ни было (кроме Бразилии).

Таблица 12. Средние расстояния ближайшего соседства между 10 крупнейшими городами в ряде стран и регионов мира в 1990-х гг.

Страны и годы	Фактическое расстояние в км	То же в % к расчетно-теоретическому*
Российская Федерация	390	29,9 / 52,9
Для сравнения:		
СССР, 1989 г.	799	53,4 / 75,5
Российская империя, 1897 г.	625	41,9 / 59,6
Евросоюз (15 стран)**	365	64,2
Франция	191	81,8
Испания	198	88,1
Германия	104	55,1
Италия	151	86,9
Индия	350	61,1
Китай	319	32,6 / 35,9
США	285	29,4 / 36,5
Канада	372	37,3 / 69,4
Бразилия	478	54,5 / 72,0

* При гипотезе равномерного размещения городов по территории страны. Первая цифра – расчетное расстояние на всей территории; вторая – на заселенной с плотностью более 1 человека на кв. км (приводится в тех случаях, когда разница значительна).

** Рассчитано для крупнейших агломераций 15 стран ЕС.

Вопрос о российских «проблемных узлах», связанных с неблагоприятным соотношением численности населения и территории, более подробно рассмотрен в специальном докладе⁹.

2.3. Старение населения и его последствия

2.3.1. Новая структура времени жизни поколений

Одно из самых главных следствий современных демографических тенденций в развитых странах, в том числе и в России, – резкие изменения возрастной структуры населения, его «старение» (табл. 13).

⁹ См. «Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу».

Таблица 13. Доля трех крупных возрастных групп в населении России, 1939–2050 гг., в %

Возрастные группы	1939	1959	1989	Прогноз (медианные значения)			
				2025		2050	
				инерционный	целевой	Инерционный	Целевой
0-15	38,8	29,9	24,5	16,3	16,5	15,2	16,1
16-54 (59)	52,5	58,4	57,0	56,1	56,8	48,7	51,8
54 (59) +	8,6	11,8	18,5	27,6	26,7	36,1	32,1

Эти изменения, как правило, излишне драматизируются – главным образом в связи с увеличением экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.).

Несмотря на то, что рост «нагрузки пенсионерами» очевиден, да и многие другие негативные стороны демографического старения, видимо, имеют место, истинный смысл эволюционных изменений возрастного состава населения, равно как и их последствия, несут в себе не только отрицательный заряд. Они намного более многообразны, чем это кажется на первый взгляд, их драматизация далеко не во всем оправдана, а некоторые важные, с точки зрения социальной политики, выводы могут быть поставлены под сомнение.

Фундаментальные процессы, связанные с необратимыми изменениями возрастной пирамиды населения, протекают на уровне поколений. Снижение смертности приводит к тому, что наряду с общим ростом количества лет, проживаемых каждым поколением, еще более высокими темпами увеличивается время, прожитое в средних и особенно старших возрастах. В результате постоянно утяжеляется верхняя часть пирамиды «прожитого времени» поколения. Отсюда и проистекает опасение, что увеличение числа лет, проживаемых людьми пенсионного возраста, которые потребляют, не производя, ложится тяжелым бременем на экономику стареющих наций.

Не следует, однако, забывать, что тот, кто доживает до старости, сначала должен полностью пережить все средние возраста. Вместе со снижением смертности возрастает совокупное число человеко-лет не только потребления, но и производства, причем возрастает приблизительно в одной и той же пропорции, так что соотношение времени, прожитого в «периоде иждивенчества» и «периоде производства», практически не меняется.

Как и всякие перемены, переход к новой структуре времени жизни поколения порождает проблемы адаптации социальных институтов к новым демографическим реальностям. Само развитие пенсионных систем – один из главных ответов на быстрый рост доли пожилых людей в XX веке. Вместе с тем именно демографические перемены создали экономическую возможность такого ответа (в частности, тем, что позволили примерно в полтора раза увеличить потенциальный фонд рабочего времени поколения). Именно этот факт не дает никаких оснований для излишней драматизации «проблемы старения» как *демографической* проблемы.

Другое дело, что есть сложная *социальная*, она же и *политическая* проблема институционального ответа на эту новую ситуацию. Необходимо различать индивидуальные (семейные) и публичные (государственные и пр.) затраты. Содержание детей во всех современных обществах в значительной мере ложится на семью (хотя и при значительном участии государства), тогда как содержание пожилых обеспечивается, в основном, с помощью пенсионных систем. Поэтому, если сравнивать только *публичные* душевые расходы в первом и втором «периодах иждивенчества», то второй из них действительно может оказаться более дорогостоящим. (Между прочим, этим может

объясняться нагнетание драматизма вокруг проблемы старения: правительства озабочены ростом *своей* доли экономической ответственности за благосостояние граждан.) Но часть населения, находящаяся в «периоде производства», обеспечивает оба «периода иждивенчества» независимо от того, по каким каналам движутся произведенные ею ресурсы.

Наиболее четко проблему сформулировал известный американский демограф и экономист Р. Истерлин, который четко разграничивает демографическое и политическое видение одного и того же явления. «Реальная задача... относится, в основном, к области политики. Необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем, чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих общественных затрат на содержание пожилых иждивенцев. Проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой, учитывая, что платящие налог работники сами же являются и потенциальными получателями из создаваемых за счет этого налога фондов»¹⁰.

Не следует забывать и о том, что старение населения происходит параллельно с другими экономическими и социальными переменами, которые также могут в той или иной мере нейтрализовать возможные отрицательные последствия изменений возрастной структуры. Человек вступает в свой второй «период иждивенчества» через 40–45 лет после того, как он покинул его первый период, а за это время общество становится намного богаче. При прочих равных условиях, теперь оно способно без особого напряжения поддерживать уровень потребления пожилых, намного более высокий, чем их уровень потребления в тот период, когда они были детьми и когда в значительной мере формировались их потребности.

2.3.2. Старение населения как переходный процесс

Если бы население жило долгое время в условиях стабильности (в демографическом смысле слова, т.е. в условиях постоянства рождаемости и смертности), то анализ, относящийся к поколениям, можно было бы распространить и на реальное население. Но XX в. во всем мире был временем не постоянства, а напротив, очень больших изменений рождаемости и смертности, поисков их нового равновесия. Страны одна за другой переходили к новому типу внутрипоколенческой солидарности. Реализовывался никогда не провозглашенный в явном виде новый принцип: пусть каждое новое поколение проживет то же совокупное время, что и предшествующее, но так, чтобы это было достигнуто не за счет привилегии долгожительства для немногих, оплаченной преждевременной смертью большинства, а за счет сохранения и продления жизни как можно большего числа родившихся¹¹. Естественно, это вело к перераспределению экономических ресурсов внутри поколений в пользу все более многочисленных старших возрастных групп и к отказу от части рождений, которые при высокой смертности и в демографическом, и в экономическом смысле были чистой потерей.

В результате снижения рождаемости каждое последующее поколение оказывалось менее многочисленным, чем предыдущее, и именно это явилось главной *непосредственной причиной* старения, которое наблюдается в большинстве стран в XX в., и связанных с ним трудностей. В этих условиях (заведомо переходных, временных) пожилые иждивенцы принадлежат к более многочисленным поколениям, чем трудоспособное население, заполняющее среднюю часть возрастной пирамиды, и здесь

¹⁰ Easterlin R. The Birth Dearth, Aging, and the Economy. In: Sisay Asefa and Wei-Chiao Huang (eds.). Human Capital and Economic Development. Kalamazoo, Michigan, W.E.Upjohn Institute for Employment Research 1994. P. 22.

¹¹ 1 тыс. родившихся при средней продолжительности жизни 70 лет проживает такое же совокупное время, что и 2 тыс. родившихся при средней продолжительности жизни 35 лет.

действительно может возникать определенное несоответствие, которое, однако, вряд ли стоит преувеличивать.

Перемены происходят более или менее постепенно, соответственно постепенно повышается и коэффициент иждивенчества пожилых, так что никаких внезапных потрясений из-за эволюционных переходных процессов происходить не может. А главное – в реальном поколении одновременно с ростом нагрузки пожилыми иждивенцами сокращается также нагрузка детьми. Поэтому даже если общий коэффициент иждивенчества и повышается, то не слишком быстро, и развивающаяся экономика вполне может приспособиться к таким переменам. Что бы там ни было, но в промышленных странах со «старой» возрастной структурой бремя иждивенчества пожилых приходится нести *после* того, как они внесли свой вклад в рост общего богатства, в отличие от бедных развивающихся стран, где главную экономическую нагрузку образуют дети, еще не участвовавшие в производстве совокупного богатства, а само это богатство невелико.

2.4. Особенности изменений российской возрастной пирамиды

Наряду с общими для всех стран долговременными, эволюционными детерминантами относительно плавных изменений возрастной структуры населения России, обусловленных демографическим переходом, этому населению довелось испытать в XX в. действие и других, кратковременных конъюнктурных факторов. И исходная численность, и судьба поколений, из которых складывается нынешнее население страны, были очень сильно затронуты социальными катастрофами XX в. или их последствиями. Они деформировали возрастную пирамиду населения России, обусловили нынешнюю волнообразную динамику ее возрастной структуры и периодическую временную инверсию основной тенденции к постарению.

Порожденные войнами и другими катастрофами, а также их «эхом» демографические волны усложняют экономическую и социальную жизнь. Прохождение больших когорт вслед за малыми создает дополнительное напряжение в обществе и отражается на судьбе самих поколений. Малые поколения имеют более легкую социальную судьбу. Их встречают менее загруженные роддома, детские сады, школы. У них меньше конкуренция при поступлении в высшие учебные заведения, более благоприятны перспективы для профессиональной карьеры и при выборе брачного партнера. Но вскоре приспособившиеся к ним социальные институты и каналы социальной мобильности оказываются недостаточно развитыми для приема идущих вслед больших поколений, те оказываются в трудном положении. Любое экономическое и социальное планирование и прогнозирование должно учитывать предстоящие волнообразные движения жизненного потенциала населения и его составных частей. В той мере, в какой это возможно, надо «гасить» набегающие волны, когда же это невозможно – приспосабливаться к ним.

Практика нередко игнорирует это требование. Тот факт, что перепад в численности поколений между 1987 и 1994 гг. был гораздо резче и глубже, чем между 1961 и 1967 гг., – результат непродуманной демографической политики 80-х гг., вследствие которой часть рождений конца 80-х – начала 90-х гг. реализовались раньше времени и переместились на середину 1980-х гг. Но до середины 80-х гг. шел рост числа потенциальных матерей. С 1969 по 1983 гг. в России число женщин самых активных материнских возрастов – от 20 до 30 лет – увеличилось более чем в 1,5 раза. Это само по себе обеспечивало рост числа рождений. Затем число потенциальных матерей стало сокращаться, а рост числа рождений продолжался, в основном, видимо, за счет мер демографической политики. Но при этом выбирались резервы будущих лет. Если бы меры демографической политики, которые заведомо могли иметь лишь кратковременный эффект, были предприняты не в первой, а во второй половине 80-х гг., «выемку» 90-х гг. удалось бы значительно сгладить.

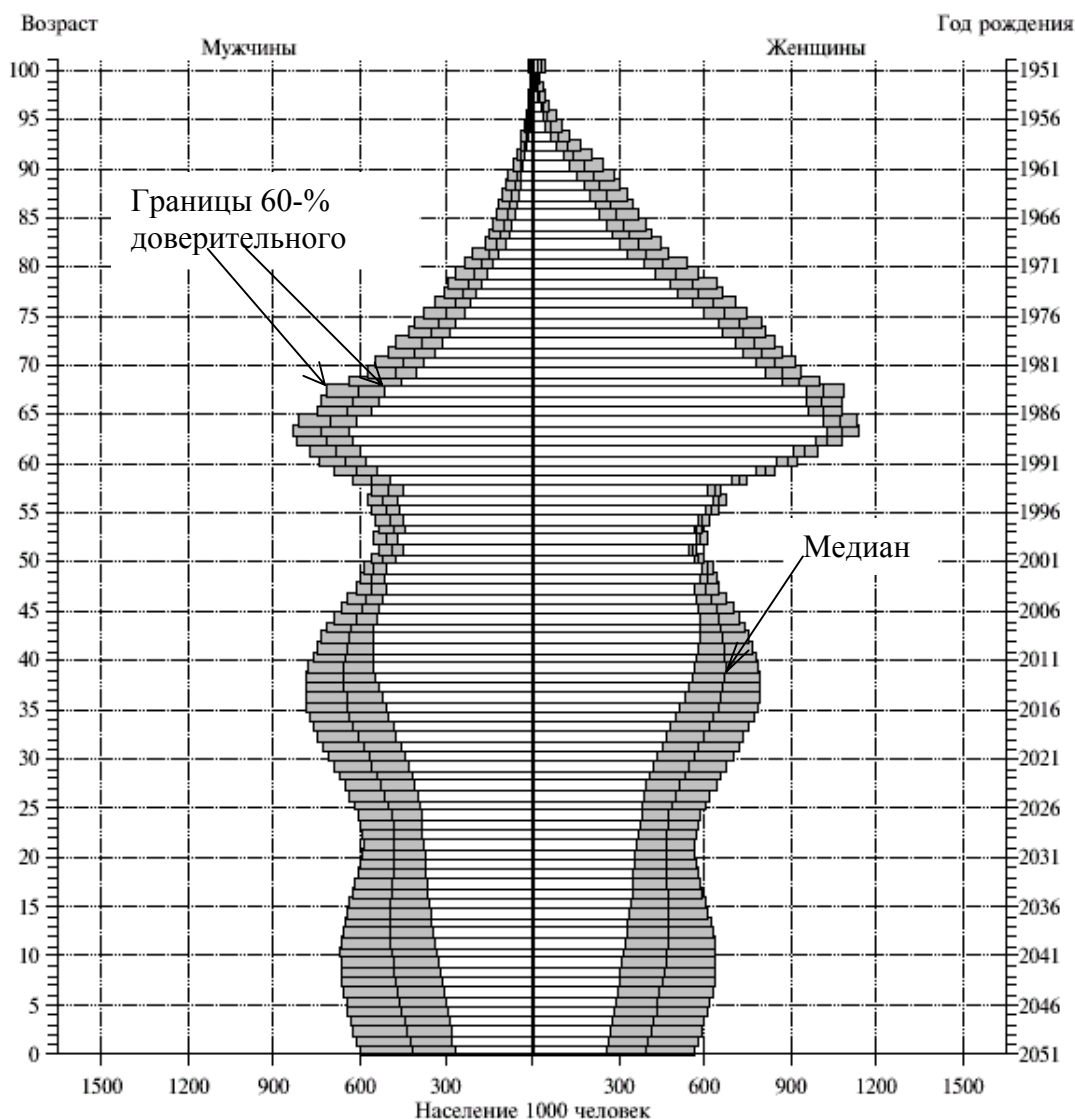

Рисунок 10. Возрастной состав населения России на начало 2051 г. Медиана и 60%-ный доверительный интервал вероятностного прогноза

Эволюционные и пертурбационные факторы, сформировавшие нынешнюю возрастную пирамиду населения России, будут продолжать действовать и в прогнозном периоде, хотя, при отсутствии экстраординарных событий, влияние пертурбационной составляющей будет ослабевать. Диспропорции между полами, равно как и между смежными возрастными группами при переходе от верхней к нижней части пирамиды будут значительно менее выраженными (рис. 10).

2.4.1. Динамика некоторых возрастных контингентов

2.4.1.1. Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте

В России к трудоспособному возрасту принято относить мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет. В международной практике к этой категории относят обычно и мужчин, и женщин в возрасте от 15 до 65 лет. В настоящей работе приводятся показатели

как по первому («российский»), так и по второму («международный») критериям. Люди старше предельного трудоспособного возраста относятся к пожилым.

Численность населения в трудоспособном возрасте (далее для краткости – трудоспособного населения) сокращается по всем вариантам прогноза.

Таблица 14. Численность трудоспособного населения по разным вариантам прогноза, млн чел.

	2000	2010	2020	2030	2040	2050
Инерционные сценарии, российский критерий						
Медиана	86,5	86,1	73,8	67,0	58,1	47,7
80%-ный доверительный интервал		85,6-86,7	72,8-74,8	64,7-69,4	53,3-62,7	41,2-54,2
95%-ный доверительный интервал		84,9-87,2	71,3-75,9	61,5-72,0	47,3-68,6	32,6-62,2
Сценарии с постоянной численностью населения, российский критерий						
Медиана	86,5	89,8	82,4	82,0	79,2	74,4
80%-ный доверительный интервал		89,2-90,5	80,3-84,8	79,8-84,2	77,3-81,0	71,8-76,8
95%-ный доверительный интервал		88,5-91,3	77,7-87,6	77,4-87,3	74,7-84,3	67,8-81,1
Инерционные сценарии, международный критерий						
Медиана	100,8	100,0	90,0	79,8	72,1	61,1
80%-ный доверительный интервал		99,4-100,7	88,6-91,4	77,1-82,7	67,0-77,4	54,4-67,9
95%-ный доверительный интервал		98,6-101,3	86,7-93,0	73,3-85,7	60,4-83,8	45,3-76,7
Сценарии с постоянной численностью населения, международный критерий						
Медиана	100,8	104,2	99,9	97,0	96,8	92,5
80%-ный доверительный интервал		103,5-104,9	97,6-102,3	94,6-99,4	94,7-99,1	89,5-95,3
95%-ный доверительный интервал		102,7-105,9	94,8-105,5	92,0-102,8	92,2-102,7	85,9-99,9

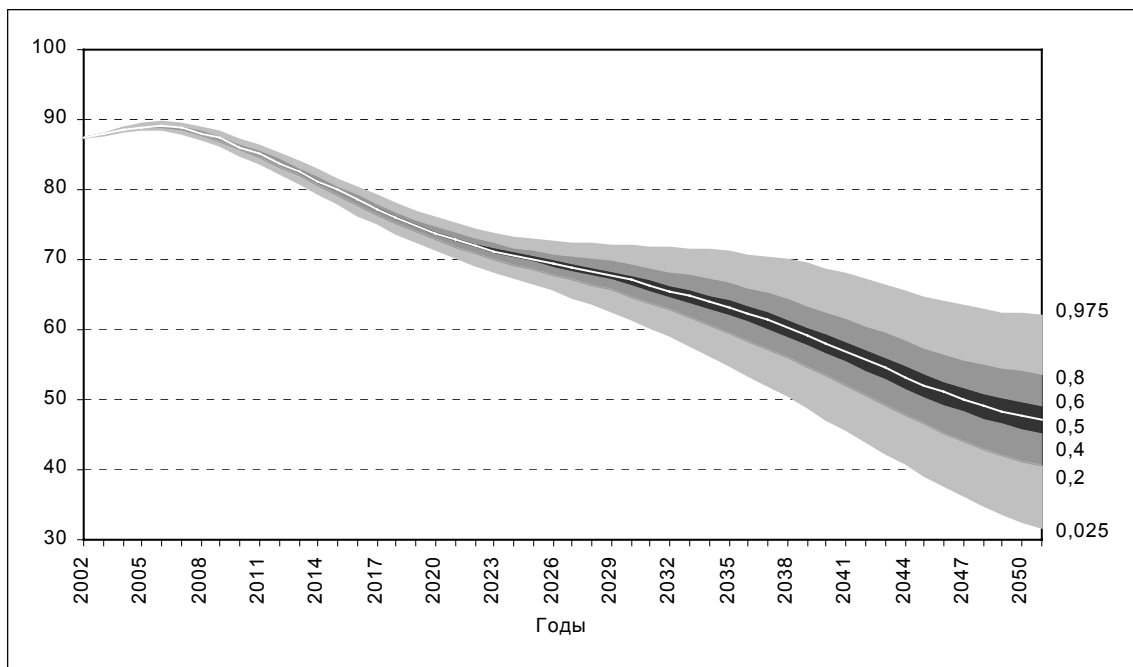

Рисунок 11. Численность населения в трудоспособных возрастах (российский критерий) при разных доверительных вероятностях, в млн чел.
Инерционные сценарии прогноза

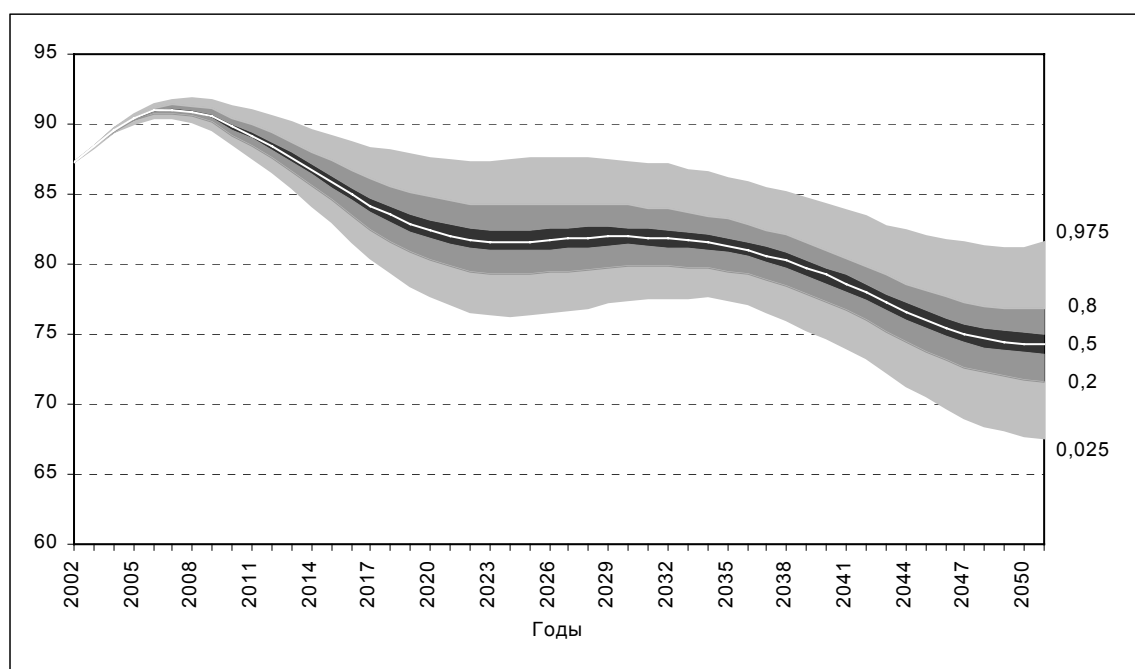

Рисунок 12. Численность населения в трудоспособных возрастах (российский критерий) при разных доверительных вероятностях, в млн чел. Сценарии с постоянной численностью населения

Численность трудоспособного населения сокращается по всем вариантам прогноза. Однако, разумеется, при сохранении постоянной численности населения, его трудоспособная часть, сокращаясь в результате старения, убывает не так быстро, в период примерно между 2020 и 2035 гг. почти не меняется и лишь затем переходит в фазу нового падения. При этом при использовании международного критерия выделения трудоспособного населения это падение оказывается менее крутым – всего на 8% по сравнению с 2000 гг. против 14% при использовании российского критерия.

2.4.1.2. Сокращение призывных контингентов

Еще один аспект, который не может не привлекать внимания в связи с предстоящими демографическими изменениями, – сокращение численности призывных контингентов.

Таблица 15. Численность призывных контингентов (мужчины в возрасте 18–19 лет) по разным вариантам прогноза, тыс. чел.

	2000	2010	2020	2030	2040	2050
Инерционные сценарии						
Медиана	2322	1744	1326	1437	1137	980
80%-ный доверительный интервал		1739-1748	1303-1348	1199-1664	886-1397	745-1201
95%-ный доверительный интервал		1733-1753	1272-1374	891-1936	580-1743	447-1440
Сценарии с постоянной численностью населения						
Медиана	2322	1837	1532	1769	1610	1561
80%-ный доверительный интервал		1817-1859	1487-1579	1594-1931	1417-1784	1403-1696
95%-ный доверительный интервал		1795-1887	1434-1640	1367-2129	1201-2029	1197-1854

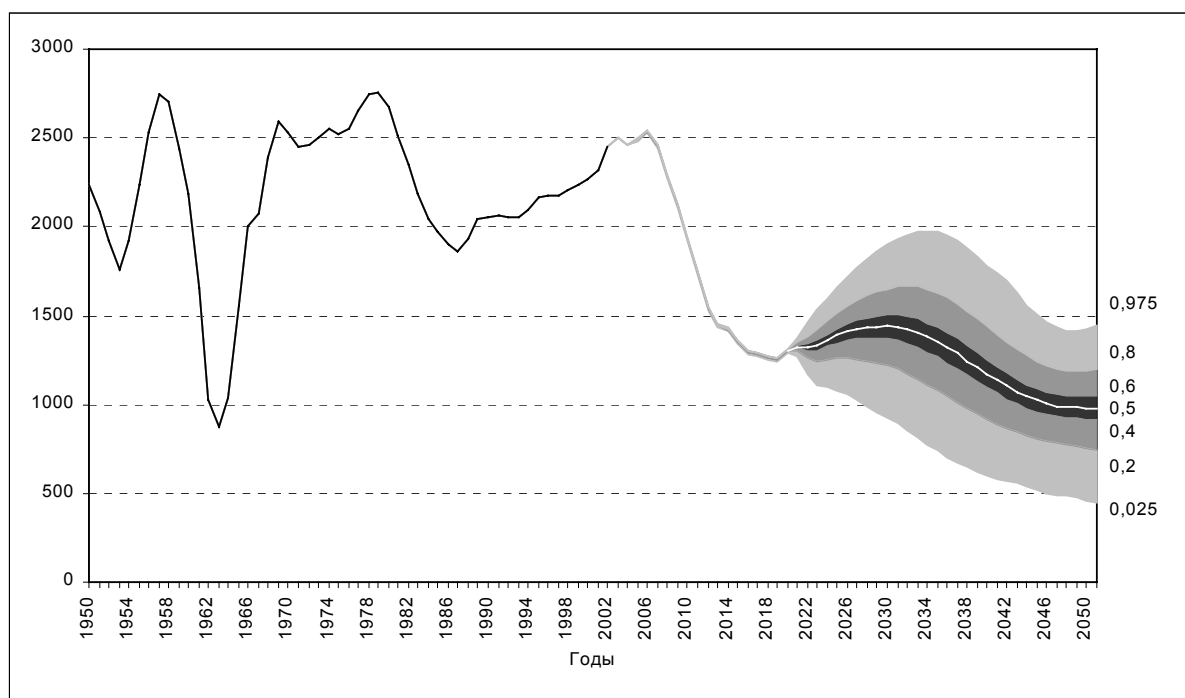

Рисунок 13. Фактическое (1950–2000 гг.) число мужчин призывных возрастов (18–19 лет) и прогноз на 2001–2050 гг. при разных доверительных вероятностях, тыс. чел. Инерционные сценарии

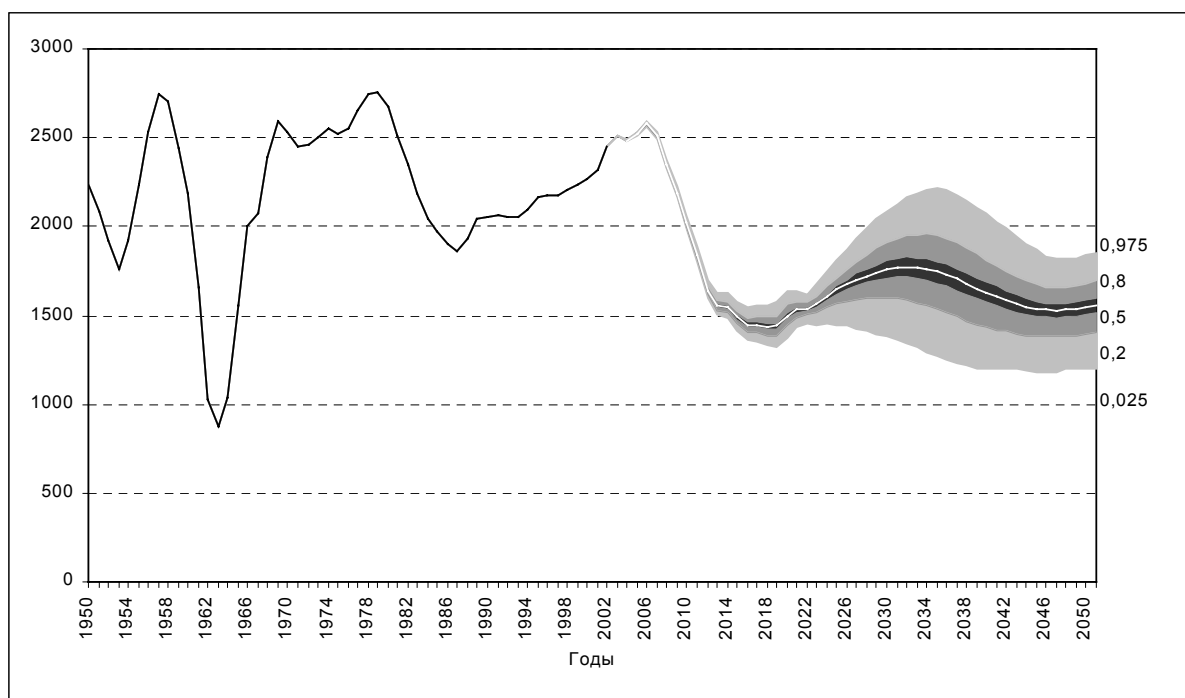

Рисунок 14. Фактическое (1950–2000 гг.) число мужчин призывных возрастов (18–19 лет) и прогноз на 2001–2050 гг. при разных доверительных вероятностях, тыс. чел. Сценарии с постоянной численностью населения

Россия уже сейчас испытывает трудности с комплектованием армии, основанной на всеобщем воинском призыве. Но, как видно из *рис. 13* и *14*, сейчас абсолютная численность призывных контингентов растет и приближается к наиболее высоким за весь послевоенный период значениям. Однако очень скоро этот рост прекратится, после 2006

гг. оно сменится быстрым сокращением и, при сохранении нынешних демографических тенденций, через 10 лет после этого призывные контингенты сократятся примерно вдвое по сравнению с уровнем 2005–2006 гг. (рис. 13). Если бы удалось стабилизировать численность населения, это сокращение было бы меньшим, но все равно очень значительным (рис. 14).

2.4.1.3. Уменьшение числа потенциальных матерей

Возрастные сдвиги вкупе с сокращением численности населения приведут к быстрому сокращению числа женщин репродуктивных возрастов, которое все время поддерживалось на довольно высоком уровне, а сейчас велико, как никогда и все еще продолжает расти. Но во второй половине нынешнего десятилетия оно начнет сокращаться, причем при инерционном развитии демографической ситуации спад будет катастрофически быстрым. Но если бы сокращение численности населения удалось предотвратить в соответствии с одним из сценариев второй группы, этот спад был бы несравнимо меньшим (см. табл. 16 и рис. 15 и 16).

Таблица 16. Число женщин репродуктивных возрастов (15–49 лет) по разным вариантам прогноза, млн чел.

	2000	2010	2020	2030	2040	2050
Инерционные сценарии						
Медиана	39,1	36,2	31,7	28,2	22,5	20,1
80%-ный доверительный интервал		36,1-36,3	31,5-31,9	27,1-29,3	20,2-24,7	16,9-23,4
95%-ный доверительный интервал		36,0-36,5	31,1-32,2	25,6-30,5	17,4-27,5	12,6-27,2
Сценарии с постоянной численностью населения						
Медиана	39,1	37,4	35,4	34,4	31,2	31,4
80%-ный доверительный интервал		37,0-37,8	34,4-36,6	33,4-35,4	30,0-32,5	29,7-33,1
95%-ный доверительный интервал		36,6-38,4	33,2-38,0	32,3-36,9	28,2-34,6	27,3-35,6

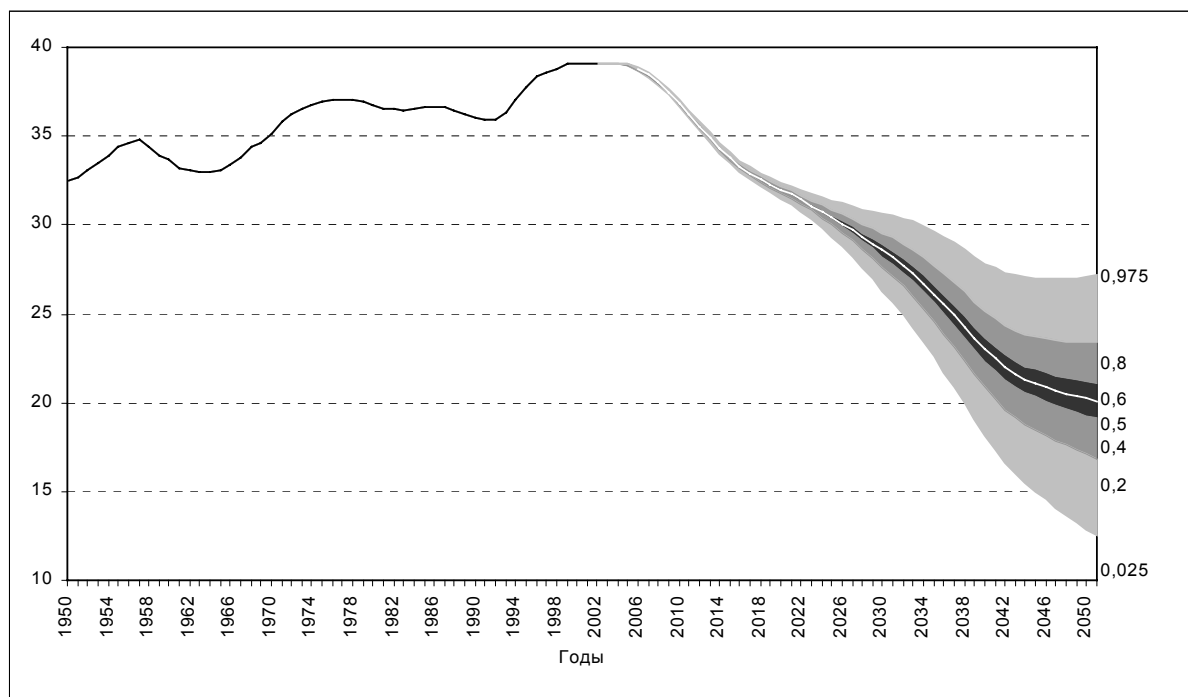

Рисунок 15. Фактическое (1950–2000 гг.) число женщин репродуктивных возрастов (15–49 лет) и прогноз на 2001–2050 гг. при разных доверительных вероятностях. Инерционные сценарии, в млн чел.

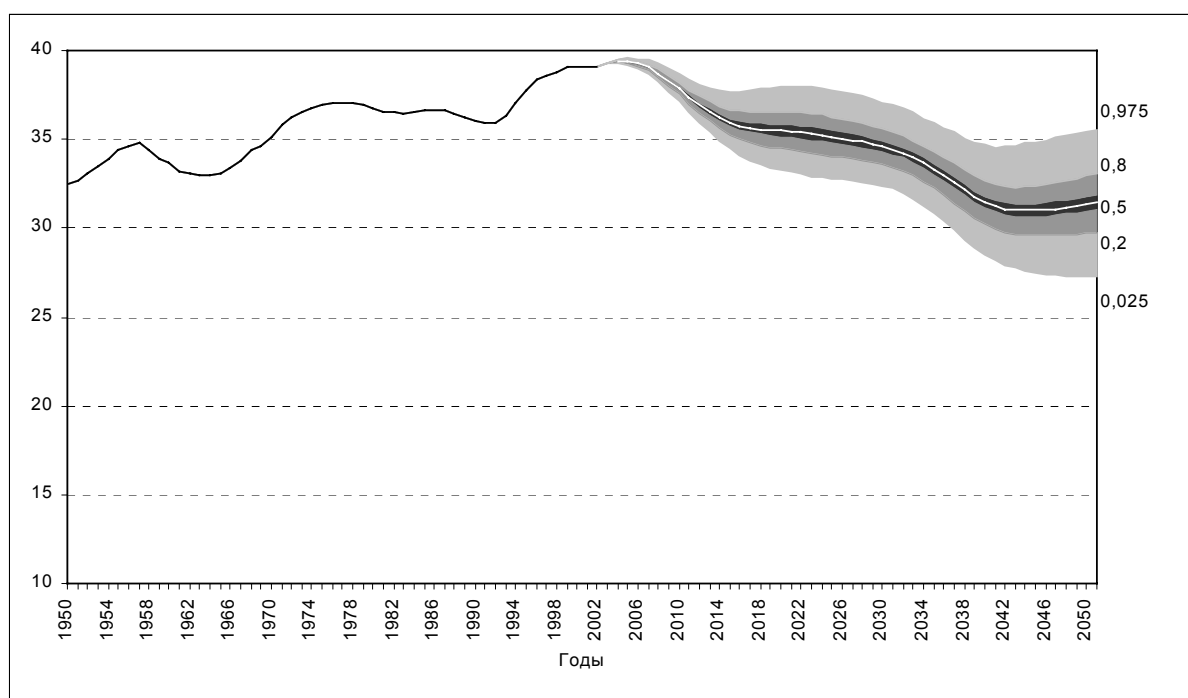

Рисунок 16. Фактическое (1950–2000 гг.) число женщин репродуктивных возрастов (15–49 лет) и прогноз на 2001–2050 гг. при разных доверительных вероятностях. Сценарии с постоянной численностью населения, в млн чел.

2.5. Демографическое старение и нагрузка на трудоспособное население

Уже в советское время обе составляющие сдвигов в возрастной структуре – эволюционная и пертурбационная – сильно влияли на демографическую нагрузку населения в рабочих возрастах. В связи со снижением рождаемости совокупная нагрузка детьми и пожилыми резко и необратимо сократилась между 1939 и 1959 гг., в дальнейшем же ее изменения имели волнообразный характер, что было связано с особенностями деформированной российской возрастной пирамиды (табл. 16).

Таблица 17. Демографическая нагрузка на трудоспособное население России

Годы	Всеми нетрудоспособными	В том числе:	
		детьми	пожилыми
1939	90,4	73,9	16,4
1959	71,3	51,2	20,2
1970	78,5	51,1	27,5
1979	65,6	38,5	27,0
1989	75,5	43,0	32,5

К трудоспособному населению отнесены мужчины в возрасте от 16 до 60 и женщины в возрасте от 16 до 55 лет.

Волнообразные колебания накладываются на генеральную тенденцию постарения, которая сама по себе не приводит к слишком большому изменению **совокупной** нагрузки, а проявляется, главным образом, в замене детей пожилыми иждивенцами. В России пока большую часть совокупной демографической нагрузки все еще составляет нагрузка детьми, однако соотношение все время меняется, нагрузка пожилыми становится все более значительной и, видимо, скоро выйдет на первое место.

2.5.1. Нагрузка пожилыми

Сокращение численности трудоспособного населения в условиях постоянного старения имеет своим неизбежным следствием быстрый рост нагрузки пожилыми (числа пожилых на 1000 лиц трудоспособного возраста). Оценки масштабов этого роста в соответствии с нашим аналитическим прогнозом до 2050 г. представлены в *табл. 18* и на *рис. 17* и *18*.

Таблица 18. Нагрузка пожилыми на 1000 трудоспособных. Российский и международный критерии выделения трудоспособных

	2000	2010	2020	2030	2040	2050
Инерционные сценарии, российский критерий						
Медиана	346	353	465	509	602	741
80%-ный доверительный интервал		350-357	454-478	485-536	545-663	637-880
95%-ный доверительный интервал		345-362	441-494	452-577	482-767	530-1118
Сценарии с постоянной численностью населения, российский критерий						
Медиана	346	352	450	478	539	621
80%-ный доверительный интервал		349-356	438-466	454-502	497-583	550-700
95%-ный доверительный интервал		344-361	422-485	425-542	447-657	479-826
Инерционные сценарии, международный критерий						
Медиана	181	179	216	284	300	374
80%-ный доверительный интервал		177-182	209-224	268-302	271-335	321-437
95%-ный доверительный интервал		173-186	200-235	246-329	236-388	269-544
Сценарии с постоянной численностью населения, международный критерий						
Медиана	181	180	213	266	273	318
80% доверительный интервал		178-183	206-221	251-284	248-301	280-363
95% доверительный интервал		175-186	197-233	231-311	220-346	239-437

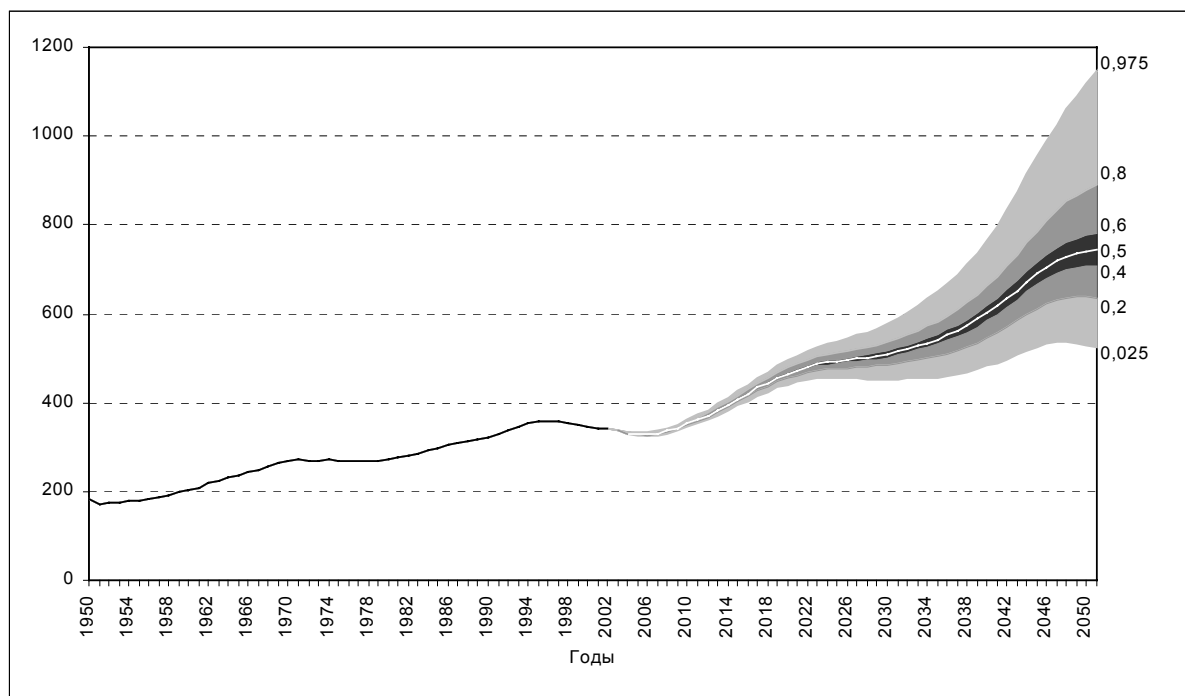

Рисунок 17. Фактическая (1950–2000 гг.) нагрузка пожилыми на 1000 трудоспособных и прогноз на 2000–2050 гг. (российский критерий) при разных доверительных вероятностях. Инерционные сценарии

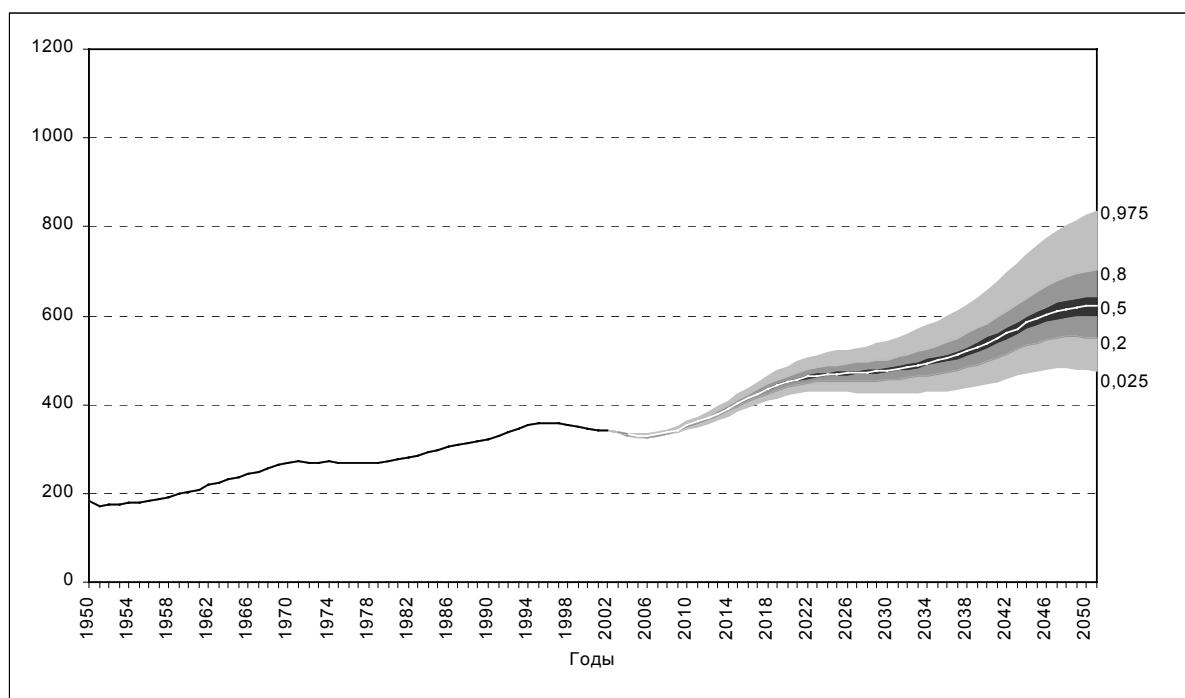

Рисунок 18. Фактическая (1950–2000 гг.) нагрузка пожилыми на 1000 трудоспособных и прогноз на 2000–2050 гг. (российский критерий) при разных доверительных вероятностях. Сценарии с постоянной численностью населения

2.5.2. Общая демографическая нагрузка

При несомненном росте нагрузки пожилыми рост общей демографической нагрузки (пожилыми и детьми) будет далеко не столь драматичным. В силу особенностей российской возрастной пирамиды сейчас эта нагрузка едва ли не самая низкая за последние 50 лет, так что ее последующий рост неизбежен при всех сценариях (табл. 19, рис. 19 и 20).

Таблица 19. Общая демографическая нагрузка на 1000 трудоспособных. Российский и международный критерии выделения трудоспособных

	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2030 г.	2040 г.	2050 г.
Инерционные сценарии, российский критерий						
Медиана	682	600	760	780	868	1062
80% доверительный интервал		587-612	712-804	738-823	835-908	994-1156
95% доверительный интервал		572-625	656-860	680-872	778-977	880-1321
Сценарии с постоянной численностью населения, российский критерий						
Медиана	682	603	746	756	817	937
80% доверительный интервал		591-614	697-793	709-804	777-863	875-1007
95% доверительный интервал		576-626	643-853	648-859	708-928	776-1127
Инерционные сценарии, международный критерий						
Медиана	445	378	442	496	503	608
80% доверительный интервал		367-388	405-476	460-531	473-533	567-653
95% доверительный интервал		354-399	360-521	410-572	424-577	499-723
Сценарии с постоянной численностью населения, международный критерий						
Медиана	445	381	441	484	487	557
80% доверительный интервал		372-391	407-475	448-522	453-520	511-610
95% доверительный интервал		359-401	365-519	400-565	402-563	440-681

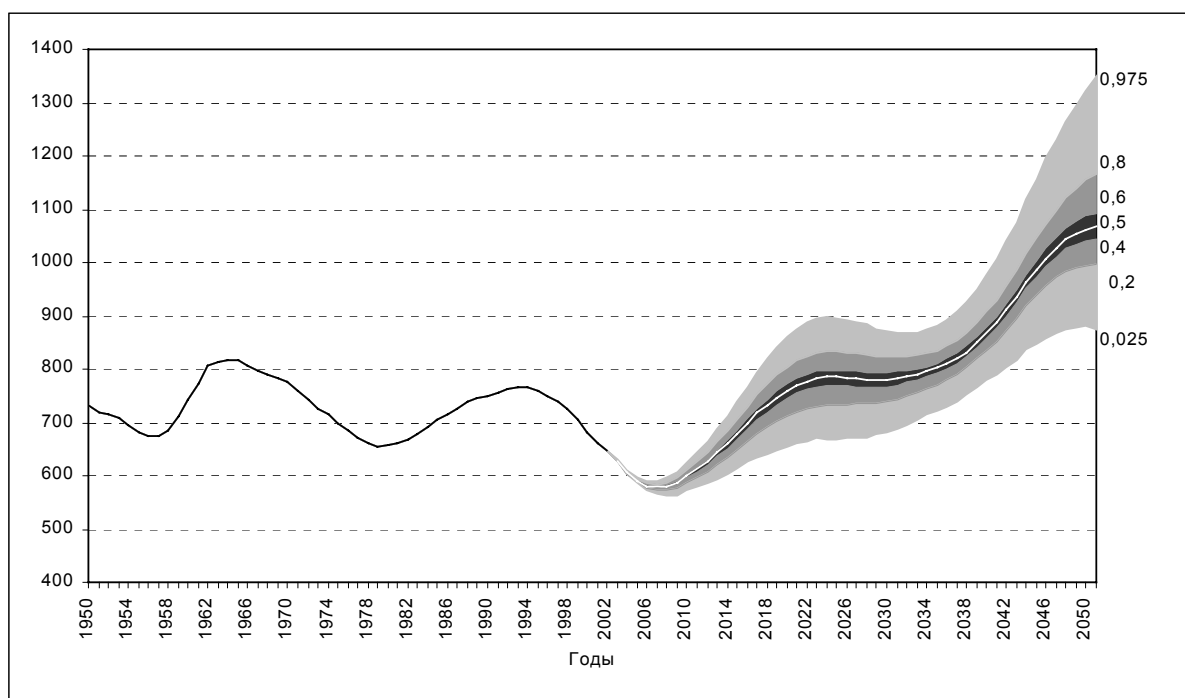

Рисунок 19. Фактическая (1950–2000 гг.) общая демографическая нагрузка на 1000 трудоспособных и прогноз на 2001–2050 гг. при разных доверительных вероятностях (российский критерий). Инерционные сценарии

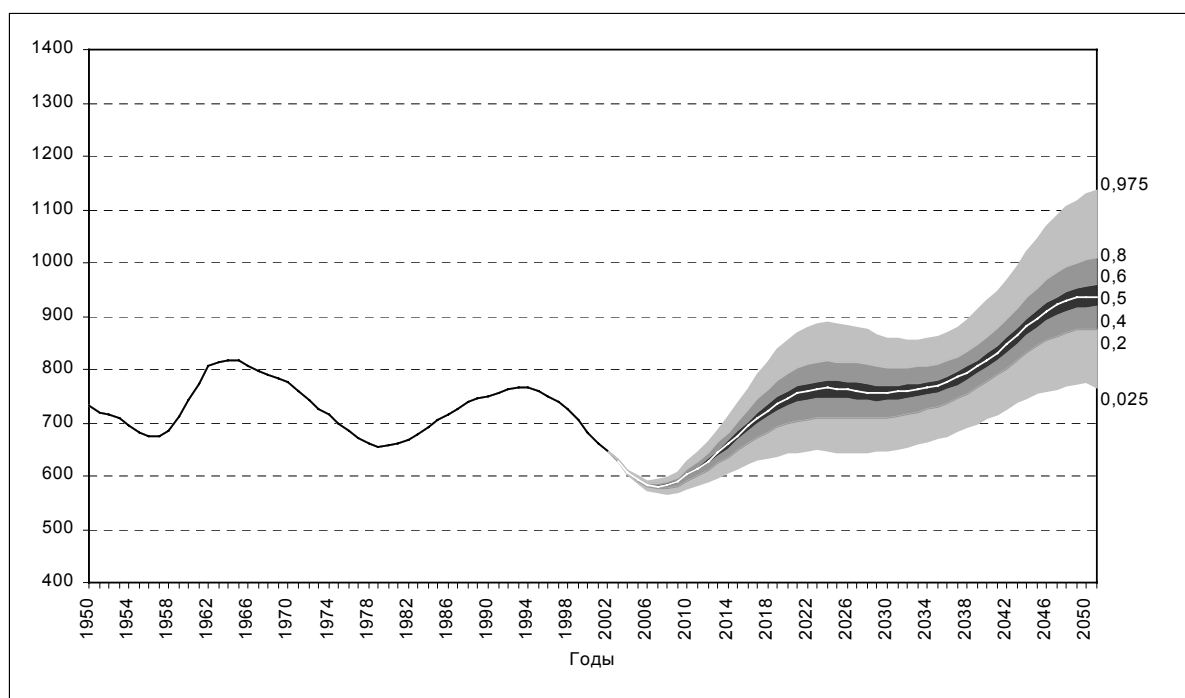

Рисунок 20. Фактическая (1950–2000 гг.) общая демографическая нагрузка на 1000 трудоспособных и прогноз на 2001–2050 гг. при разных доверительных вероятностях (российский критерий). Сценарии с постоянной численностью населения

Как видно из графиков, сейчас Россия, в силу характерного для нее волнообразного характера изменений ее возрастной пирамиды, находится в условиях, относительно благоприятных с точки зрения возрастного состава ее населения, едва ли не лучших за весь послевоенный период. В середине 90-х гг. произошла смена нисходящей и восходящей волн, и страна вступила в выгодный для нее период роста численности и доли

наиболее активных групп населения – лиц в рабочих возрастах, призывных контингентов, женщин материнского возраста. За этот период практически не изменится доля населения в пенсионных, но значительно вырастет доля населения в рабочих возрастах и, как следствие, общая нагрузка на трудоспособное население уменьшится.

Но процесс старения, конечно, не остановится. После того, как «окно демографического благоприятствования» закроется, продолжится снижение доли детей в населении, запрограммированное ростом рождаемости в 1980-х гг. и ее падением в 1990-х гг., что будет тормозить рост общей нагрузки.

Даже в 2035 г. общая нагрузка на 1000 трудоспособных будет не выше, а по большинству сценариев даже ниже, чем в 1975 г., когда она отнюдь не была чрезвычайно высокой. В первой половине 60-х гг. коэффициент совокупной нагрузки в России, исчисляемый по российским критериям, превышал 800 человек на 1000 трудоспособных. Таким высоким этот показатель будет не ранее 2035 г. и то лишь по некоторым из рассматриваемых сценариев. К подобному развитию событий надо, конечно, готовиться, но едва ли следует его излишне драматизировать. Если Россия смогла справиться с такой нагрузкой в 1965 г., то почему она может оказаться столь опасной 70 лет спустя?

Только после 2035 г. и не сразу по всем сценариям общая демографическая нагрузка начнет превышать 800 человек на 1000 трудоспособных (по российскому критерию) или 500 человек на 1000 по международному критерию, постепенно нарастая по мере приближения к 2050 г. Но и в 2050 г. далеко не по всем сценариям эта нагрузка достигнет уровня 1939 г., когда население России было очень молодым, на 100 взрослых приходилось около 40 детей в возрасте до 15 лет, а общая нагрузка превышала 900 на 1000 трудоспособных.

2.6. Демографическое старение и пенсионное обеспечение

Обусловленный старением рост числа и доли пенсионеров представляет собой серьезный вызов существующей системе социального обеспечения. Сейчас и на Западе, и у нас нередко говорят о ее кризисе, вызванном старением.

Один из возможных ответов на вызов заключается во введении накопительных пенсионных систем, однако, это, скорее, ответ не на сам фундаментальный сдвиг в соотношении возрастов, а на переходную ситуацию, складывающуюся в период, когда происходит этот сдвиг и сосуществуют разные по численности поколения. Все это и служит причиной того, что многочисленные поколения пожилых не могут рассчитывать на малочисленные поколения своих детей и внуков.

Что же касается ответа на старение как на окончательную замену одной стабильной возрастной структуры (молодой) другой (старой), то его часто видят в повышении законодательного возраста выхода на пенсию. Но это решение – не единственное. Приведенные выше слова Истерлина о необходимости перераспределения ресурсов между «низом» и «верхом» возрастной пирамиды, между детьми и пожилыми указывают на альтернативный путь, менее очевидный, политически более сложный, но, возможно, более обоснованный. Ибо повышение возраста выхода на пенсию означает, по сути, движение в противоположном направлении: перераспределение ресурсов в пользу все более малочисленных поколений детей.

Правда, и в этом может быть своя логика. В связи с развитием образования и удлинением сроков обучения возникает значительное несовпадение демографических и экономических границ «детства». Начало трудовой деятельности становится намного более поздним, чем раньше, и кажется логичным отодвинуть к более поздним возрастам и ее окончание. В противном случае получается, что человек живет все дольше, а работает все меньше.

Но даже если этот довод можно было бы использовать для повышения возраста выхода на пенсию в западных странах, для России он пока не кажется убедительным.

В самом деле, во многих странах Европы (правда, не во всех) законодательный возраст выхода на пенсию выше, чем в России: как правило, для мужчин и даже для женщин – 65 лет, иногда и выше. Но в Европе, благодаря более высокой продолжительности жизни, до возраста выхода на пенсию доживает гораздо больше людей, чем в России, а дожившие до пенсии имеют высокие шансы воспользоваться ею на протяжении относительно длительного времени. В 65 лет западноевропейцам предстоит почти такая же, а иногда и более долгая жизнь, чем россиянам в 60 лет (*табл. 20*).

Таблица 20. Ожидаемая продолжительность жизни (годы) в возрасте 60 и 65 лет в России и некоторых европейских странах, 1960–1990 гг.

Страна	В возрасте 60 лет				В возрасте 65 лет			
	1960	1970	1980	1990	1960	1970	1980	1990
Мужчины								
Россия	15,8	14,8	14,3	14,8	12,9	11,9	11,6	12,0
Великобритания	15,0	15,2	15,9	17,6	11,9	12,0	12,6	14,1
Франция	15,6	16,2	17,3	19,0	12,5	13,0	14,0	15,6
Италия	16,7	16,7	16,8	18,6	13,4	13,3	13,3	15,1
Норвегия	18,0	17,3	17,7	18,3	14,5	13,8	14,3	14,6
Женщины								
Россия	19,6	19,6	19,3	19,6	15,8	15,7	15,5	15,8
Великобритания	18,9	19,8	20,4	21,7	15,1	16,0	16,6	17,8
Франция	19,5	20,8	22,4	24,2	15,6	16,8	18,2	19,9
Италия	19,3	20,2	21,2	23,0	15,3	16,2	17,1	18,8
Норвегия	20,2	21,0	22,2	22,7	16,1	16,8	18,0	18,6

Источник: Statistique démographique 1996. Eurostat, Luxembourg, 1996, Table G-6.

Главное, однако, в том, чтобы дожить на пенсии. А у нас шансы на это, по сравнению с европейскими странами, весьма невелики, и уже на протяжении нескольких десятилетий не только не повышаются, но даже имеют тенденцию к снижению (*табл. 21*).

Таблица 21. Число доживающих до 55, 60 и 65 лет из 100 доживших до 20 лет. Россия, 1965–1995 гг.

Годы	Мужчины			Женщины		
	от 20 до 55	от 20 до 60	от 20 до 65	от 20 до 55	от 20 до 60	от 20 до 65
1965	80,4	73,2	62,9	91,9	88,4	82,8
1980	72,9	64,4	53,9	91,0	86,8	80,8
1995	64,1	54,0	42,8	88,3	83,4	76,5
2000	66,3	56,0	44,7	89,4	84,7	77,7

Даже если отвлечься от катастрофической ситуации середины 90-х гг., нельзя не видеть, что и до этого потери от преждевременной смертности, особенно у мужчин, были очень велики. На протяжении 70-х – 80-х гг. только примерно 2/3 трети мужчин, достигших 20 лет, доживали до стандартного возраста выхода на пенсию. Остальные же, хотя и работали иногда по несколько десятков лет, умирали прежде, чем приходило время ее получать.

Между тем реальный пенсионный фонд создается как теми, кто сумел пережить трудоспособный период и дожить до пенсии по старости, так и теми, кто, вступив в трудоспособный возраст, умер, не «дотянув» до пенсии и оставив свой взнос в пенсионный фонд невостребованным, как бы передав его в «наследство» выжившим.

Фактически любой пенсионер получает пенсию как за счет того, что он сам создал свои трудом («самоподдержка»), так и за счет созданного теми, чья жизнь оборвалась раньше («наследование»). Доля «наследования» увеличивается с возрастом выхода на пенсию (табл. 22).

Таблица 22. Доля «наследования», или вклад умерших при разных пенсионных границах в условиях российской смертности соответствующих лет, в %

Годы	Мужчины			Женщины		
	55 лет	60 лет	65 лет	55 лет	60 лет	65 лет
1965	13,4	19,4	28,7	5,6	8,3	13,1
1970	15,8	22,4	31,6	5,8	8,7	13,3
1975	16,9	23,6	33,0	5,9	9,1	13,9
1980	19,1	26,4	36,1	6,4	9,7	14,8
1985	17,2	24,7	34,5	6,0	9,4	14,6
1990	16,1	23,4	33,3	5,3	8,5	13,4
1995	26,4	35,4	46,3	8,3	12,3	18,1
2000	24,2	33,4	44,4	7,3	11,2	17,2

Судя по данным табл. 21, российские женщины получают свои пенсии в основном за счет «самоподдержки». У мужчин же использование пенсионного фонда, в формировании которого чрезвычайно большую роль играют не востребуемые вклады умерших до 60 лет, вопиюще неэффективно. При очень высокой смертности 1995 г. даже для возраста 55 лет у мужчин вклад не доживших до пенсии превышал 25%, а для возраста 65 лет – почти 50%. В целом, при нынешнем российском уровне смертности мужчин даже пенсионная граница, приходящаяся на возраст 60 лет, несправедливо высока. Любое повышение пенсионного возраста лишь усилит эту несправедливость.

Конечно, логика социальной справедливости нередко входит в противоречие с чисто экономической логикой. Это противоречие носит объективный характер, и с ним нельзя не считаться. Но никакое общество не может жить, исходя из одной только экономической логики.

Спору нет, в ситуации, когда значительная часть населения не доживает до пенсии и не использует свой взнос в обеспечение собственной старости, преждевременная смертность компенсирует процесс постарения возрастной структуры населения, облегчая функционирование пенсионной системы. Повышение возраста выхода на пенсию облегчило бы его еще больше. Но ведь пенсионная система – не самоцель. Она – лишь одно из средств достижения более широких общественных целей, в число которых входят и удлинение человеческой жизни, и расширение рамок свободного времени в жизненном бюджете времени человека. Нельзя абсолютизировать эти цели, не считаясь с другими целями, равно как и с ресурсами, которыми располагает общество. Но нельзя и отказаться от этих очевидных экзистенциальных целей, не рискуя оставить общество без четких, хорошо осознаваемых ориентиров развития.

3. Новые перспективы рождаемости и семьи

3.1. Частная жизнь в потоке перемен

Низкая и продолжающая снижаться рождаемость, распространенность аборта, все меньшее число зарегистрированных браков, рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни, включая однополые браки, ослабление прочности супружеских уз и увеличение числа разводов и внебрачных рождений, растущее замещение семейной солидарности солидарностью социальной, эмансипация детей и пожилых, либерализация

семейных нравов и половой морали, все более раннее начало половой жизни – признаки новейших перемен, которые затронули все аспекты частной жизни людей, все звенья процесса формирования семьи, все стороны ее жизнедеятельности и очень плохо вписываются в казавшиеся незыблемыми тысячелетние нормы человеческого общежития. Эти перемены давно уже беспокоят общественное мнение и в Западной Европе, и в Северной Америке, все больше дают о себе знать и в России, порождая множество вопросов: о новых границах дозволенного, о совместимости новой свободы частной жизни с неустраимыми требованиями социального целого, о новой роли государства и вообще публичных институтов и мере их желательного и нежелательного вмешательства в частную жизнь граждан и т.д.

Везде, где такие перемены дают о себе знать, они нередко воспринимаются как свидетельства тяжелого кризиса современной семьи и даже всего современного общества, и подобная оценка повсеместно становится частью консервативного политического дискурса. Постоянно подчеркивается действительное или кажущееся неблагополучие в таких областях семейной и личной жизни граждан (низкая рождаемость, большое число разводов и неполных семей, рост числа внебрачных детей, раннее начало половой жизни и пр.), на которые очень трудно, а порой и невозможно влиять, и предлагаются меры по «закручиванию гаек» на винтах с давно уже сорванной резьбой. Нет страны, в которой не существовали бы политические круги, активно выступающие за ограничение свободы аборта и контрацепции, за запреты и ограничения в области распространения знаний и расширения деятельности служб планирования семьи, полового просвещения детей и молодежи, одним словом, за все то, что позволило бы сделать сегодняшнюю жизнь вчерашней.

Этот дискурс не придуман намеренно какими-то изобретательными «политтехнологами», он отвечает умонастроениям значительной части общества, растревоженной и дезориентированной переменами и всегда надеющейся, что все еще может снова сделаться таким, каким было «до революции», «до войны», «до реформ» и т.д. Но, становясь частью политики, он очень быстро приобретает черты сознательного подталкивания к пробуждению или укреплению в общественном мнении ностальгии по «добрым старым временам», к формированию ретроутопий, способствующих дискредитации любых реформаторских усилий. А на это всегда есть политический спрос.

В той мере, в какой консервативная оптика видения перемен в частной жизни оказывается общественно и политически востребованной, она влияет на позицию исполнительной и законодательной власти, побуждая ее проводить активную государственную политику там, где она заведомо не может быть эффективной. А это, в свою очередь, способствует деформации разумной системы приоритетов и, в конечном счете, оттесняет на второй план именно те направления политики, которые способны принести реальный успех. (В этом смысле весьма показательны постоянные требования проводить в России активную политику по повышению рождаемости, нигде еще не принесшую успеха, на фоне почти полного отсутствия предложений по борьбе со смертностью, которую реально удалось снизить во всех странах, кроме нашей.)

Консервативно ориентированному «катастрофизму» во взглядах на модернизационные перемены в частной жизни людей противостоит (во многих странах весьма успешно) более уравновешенная оценка плодов этих перемен. Разумеется, нельзя отрицать хорошо известные проблемы, возникающие в связи с падением рождаемости, старением населения, нестабильностью брака, ростом числа свободных союзов и внебрачных рождений, большим числом искусственных абортов, распространением СПИДа и т. п. Но не следует забывать и о другой чаше весов, на которую ложатся приобретения XX в.: расширение свободы выбора для мужчины и женщины, как в семейной, так и в социальной области, равенство партнеров, большие возможности контактов между поколениями, удовлетворения личных потребностей, самореализации и

т. д. Совокупность происходящих перемен иногда обозначают термином «*второй демографический переход*». Его смысл усматривают в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора и видят в нем естественный спутник модернизации и демократизации.

По-видимому, признавая всю серьезность вызовов XX в. в том, что касается личной и семейной жизни людей, нельзя не учитывать того, что они сочетаются с очень большими выигрышами и выгодами и потому имеют отнюдь не конъюнктурный характер. Простых ответов на эти вызовы не существует или, во всяком случае, пока они нигде не найдены. Не значит ли это, что общество, осознав, что излишняя драматизация многих вполне реальных нынешних проблем отнюдь не приближает их решения, должно пересмотреть свое отношение ко многим историческим изменениям и примириться с некоторыми из них, сколь бы неприятными они ни казались на первый взгляд? Нечто подобное уже происходит во многих странах, и Россия не составляет здесь какого-либо исключения.

3.2. Низкая рождаемость в России: следствие российского, «западного» или мирового кризиса?

Среди всех перемен, которые рассматриваются в этом разделе, наибольшее общественное внимание привлекает снижение рождаемости – в силу своей прямой связи с такими макросоциальными характеристиками, как численность населения страны и ее динамика. В России это внимание особенно усилилось в последнее время, с тех пор как сокращение числа россиян стало неоспоримым фактом настоящего и будущего, и сделалась абсолютно ясной связь этого факта с падением рождаемости до небывало низкого уровня.

Нет ничего удивительного в том, что недавнее резкое снижение рождаемости, так же, как и начало убыли населения страны, пришедшееся на сложные 90-е гг., воспринимаются массовым сознанием прежде всего как следствие экономического и социального кризиса «переходного периода». Соответственно, в обществе существуют надежды на то, что как только кризис кончится, рождаемость начнет повышаться (а некоторые даже уже видят реальные признаки и того, и другого). К сожалению, дело, по-видимому, обстоит сложнее, и для большого оптимизма нет оснований.

Рождаемость в России снижалась на протяжении всего XX в. В середине 60-х гг. она впервые опустилась ниже уровня простого возобновления поколений и продолжала падать, в 90-е гг. эти тенденции усилились. Обобщая опыт изменений российской рождаемости за сто лет, можно с уверенностью сказать, что, судя как по количественным параметрам рождаемости, так и по стоящему за ними прокреативному поведению людей, Россия эволюционировала в сторону все большей конвергенции с другими урбанизированными и индустриально развитыми странами мира, для которых, как правило, характерна низкая, а в последнее время – очень низкая рождаемость (*рис. 21*). Так что, несмотря на некоторые совпадения во времени, видеть в переходе к очень низкой рождаемости в России одно из проявлений общего системного **кризиса российского общества** конца XX в. нет никаких оснований.

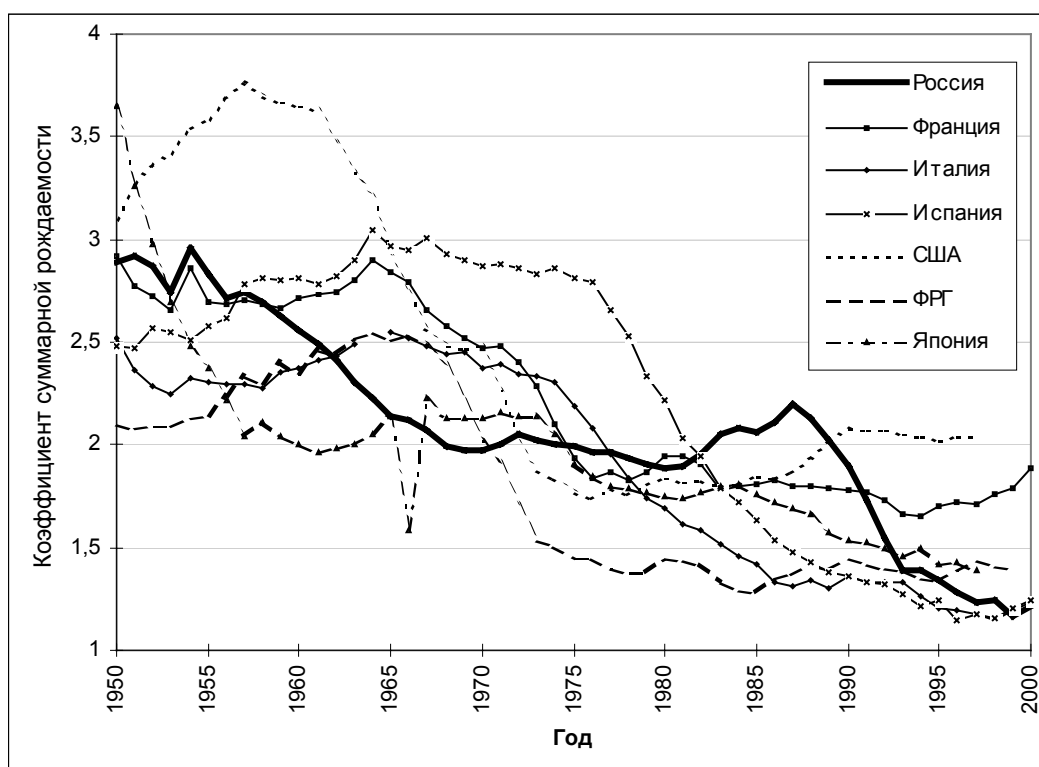

Рисунок 21. Рождаемость в России и некоторых других промышленно развитых странах

Даже если рассматривать низкую рождаемость как кризисное явление, ее широкая распространенность во всех индустриальных урбанизированных обществах не позволяет говорить о специфически российском кризисе. Скорее, речь должна идти об общем кризисе всей современной «постиндустриальной» **западной цивилизации**, причины которого не могут быть найдены и устранены в одной стране.

Впрочем, и при таком подходе нельзя не замечать, что снижение рождаемости в постиндустриальных обществах сопряжено со многими изменениями, которые принято интерпретировать как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, эмансипация и самореализация женщины, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Все эти изменения обычно игнорируются при однозначном «кризисном» истолковании низкой рождаемости. Если же принять во внимание все аспекты изменений в массовом прокреативном поведении и их последствий, то, возможно, следует говорить не о кризисе, а о внутренней противоречивости модернизационного процесса, а может быть, и о том, что модернизация объективно переносит акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни.

Однако снижение рождаемости можно рассматривать и в более широком, глобальном контексте. В этом снижении можно видеть системную реакцию на **общемировой** демографический кризис, порожденный глобальным демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты. При таком истолковании снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства на достаточно длительный период есть благо, а снижение рождаемости в России, как и на Западе, — лишь эпизод такого глобального поворота. При подобном взгляде на вещи низкая «западная» рождаемость — вовсе не свидетельство упадка и кризиса западной цивилизации, как кажется многим, а напротив, доказательство ее огромных адаптивных возможностей.

Все это не исключает того, что низкая рождаемость и следующее за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира, могут быть крайне невыгодны, даже опасны для

них. Но поделаться с этим ничего нельзя, потому что интересы выживания всего человечества выше интересов отдельных стран.

Это утверждение резко контрастирует с широко распространенным, хотя и слабеющим в последнее время убеждением в возможности повернуть тенденции рождаемости вспять. В частности, во многих странах большие надежды все еще возлагаются на специальные меры демографической политики, с помощью которых можно устранить препятствия или создать стимулы более высокой рождаемости.

Общественное мнение, да и исследователи-демографы, как и сто лет назад, пытаются объяснять низкую рождаемость действием разных конкретных факторов. Среди них: низкий уровень жизни; высокий уровень потребления и развитие конкурирующих потребностей; высокая стоимость детей; отсутствие у родителей экономической заинтересованности в детях; безработица; чрезмерная трудовая занятость женщин; неуверенность в завтрашнем дне; стремление не только мужчин, но и женщин к самореализации и т. д. Но именно потому, что подобные факторы столь многообразны, столь по-разному сочетаются в тех или иных странах, неизменно приводя к одному и тому же результату, возникают сомнения в объяснительных возможностях «факторного» подхода вообще. Соответственно, едва ли можно ожидать большого эффекта от воздействия на отдельные факторы, на что обычно ориентированы меры демографической политики.

Более вероятно, что влияние конкретных факторов на прокреативное поведение – это лишь промежуточный механизм, и в их действии получают отражение системные требования, формирующиеся на более высоком социальном уровне. Соответственно, эволюция такого поведения и формирование уровня рождаемости относительно слабо чувствительны как к конъюнктурным факторам социально-экономической ситуации, так и к мерам демографической политики.

Другое дело, что и конъюнктура, и политика могут влиять на *текущие* показатели рождаемости, менять ее «календарь», так называемые «темпы формирования семьи», т.е. возраст матери при рождении детей в разных поколениях матерей, интервалы между последовательными рожденьями, а тем самым и уровни рождаемости, фиксируемые в разные календарные годы. Как видно из *рис. 22*, на *итоговой* рождаемости женских поколений такие изменения сказываются мало. Рождаемость у реальных поколений женщин (когортная рождаемость) меняется эволюционно и достаточно плавно, не зная резких колебаний и скачков, какие демонстрируют чувствительные к конъюнктуре показатели рождаемости календарных лет. Игра же с «календарем» рождаемости, выступающая в качестве еще одного конъюнктурного фактора, может быть неудачной, а иногда и опасной из-за порождаемых ею демографических волн.

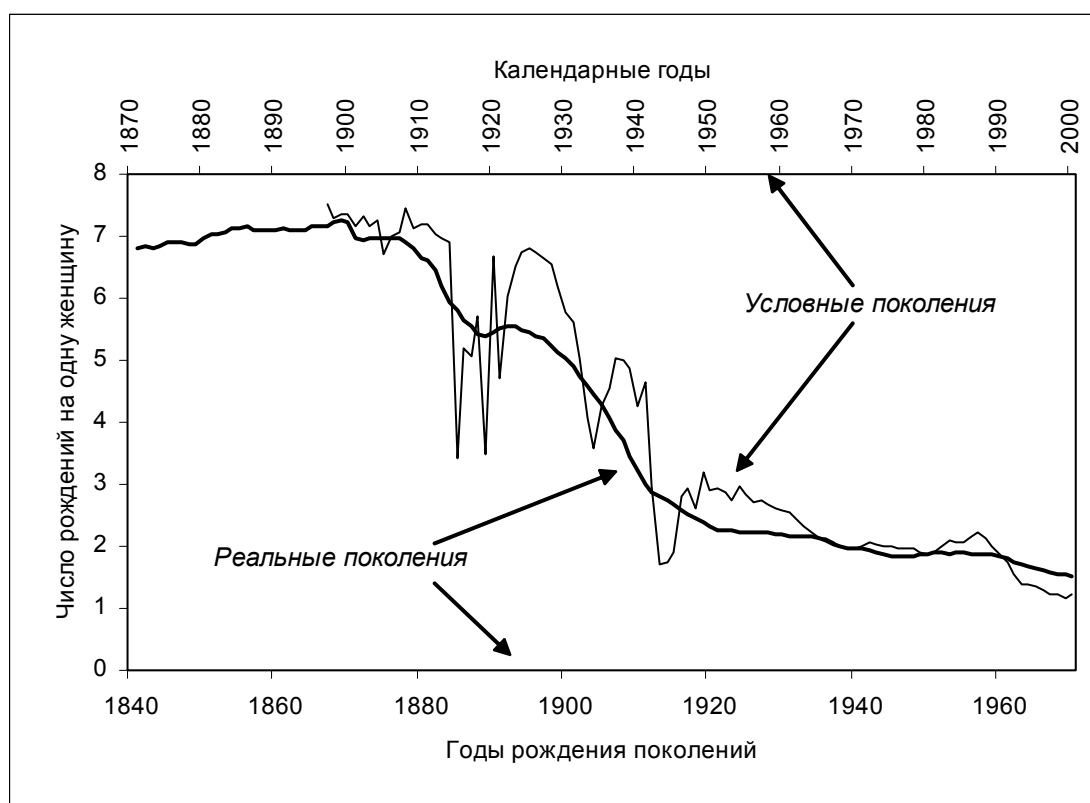

Рисунок 22. Коэффициент суммарной рождаемости для календарных лет (тонкая линия, верхняя шкала) и итоговая рождаемость реальных женских поколений (жирная линия, нижняя шкала). Россия, поколения 1840–1960 годов рождения, 1897–2000 календарные годы. (Оценка С. В. Захарова)

О реальной действенности мер семейной политики, с точки зрения их влияния на рождаемость, говорит довольно большой опыт западных стран. Аналитики выделяют четыре типа такой политики¹²:

1. *Социал-демократическая* политика характеризуется предоставлением государственных пособий всем семьям, высоким уровнем материальной помощи работающим родителям и усилиями, направленными на обеспечение гендерного равенства. Она типична для скандинавских стран;

2. *Консервативная* политика ориентирована на оказание помощи семьям на среднем уровне, пытается учитывать характер занятости родителей и исходит из более традиционного гендерного разделения труда. Примеры такой политики дают Германия, Франция, Нидерланды;

3. Политика, типичная для *стран Южной Европы*, сильно дифференцирована в зависимости от характера занятости родителей и включает сочетание публичных и частных услуг и пособий. Она не ставит своей целью обеспечить единый для всей страны гарантированный минимальный уровень дохода. К этой группе стран относятся Греция, Испания, Италия, Португалия.

4. *Либеральная* политика отличается низким уровнем помощи семьям, ориентирована только на наиболее нуждающихся и рассчитывает на рыночные механизмы, особенно там, где речь идет об уходе за детьми. В Европе такой политики придерживаются Великобритания и Швейцария, за ее пределами – такие страны, как США и Австралия.

¹² См.: Gauthier A.H. Les politiques familiales dans les pays industrialisés. Population. 2002, n° 3. P. 462–463.

Однако обнаружить зависимость между типом семейной политики и уровнем рождаемости не удастся (рис.23).

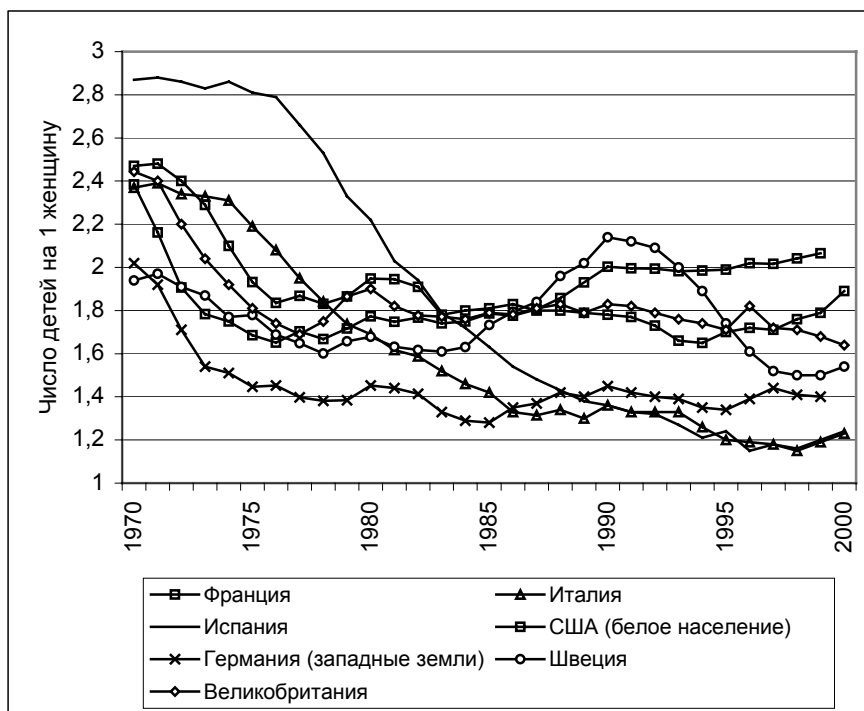

Рисунок 23. Рождаемость в некоторых западных странах с разными типами семейной политики

Две страны, олицетворяющих два совершенно разных подхода к семейной политике, – «социалистическая» Франция и либеральная Великобритания – имеют очень близкий уровень рождаемости. В то же время в близкой по типу семейной политики к Франции Германии этот уровень намного ниже. А выше всего он в США, где семейная политика крайне слаба (рис. 23 и табл. 23).

Таблица 23. Меры семейной политики и уровень рождаемости в некоторых западных странах

Страна	Денежные пособия и льготы в % к средней зарплате промышленного рабочего			Продолжительность отпусков по беременности и родам и по уходу за ребенком, в днях			Коэффициент суммарной рождаемости		
	1972	1985	1999	1970	1985	1999	1970	1985	1999
Великобритания	10,2	12,8	8,1	18	18	44	2,44	1,79	1,68
Германия	8,0	12,0	21,2	14	14	162	2,02	1,28	1,40
Испания	7,3	5,1	9,3	12	162	164	2,87	1,63	1,20
Италия	11,7	8,9	13,6	17	48	65	2,37	1,42	1,19
США	8,8	7,5	10,8	0	0	12	2,39	1,79	2,07
Франция	17,9	14,9	12,7	14	110	162	2,47	1,81	1,79
Швеция	12,6	11,0	8,2	26	85	85	1,94	1,73	1,50

Источник: Gauthier A.H. Les politiques familiales dans les pays industrialisés. Population. 2002, n° 3. P. 480.

3.3. Низкая рождаемость и репродуктивные права

Хотя количественная сторона рождаемости – ее уровень, число рождающихся в стране детей – привлекают главное внимание общественного мнения, озабоченного проблемами депопуляции, существуют и другие достаточно важные ее стороны, которые также не могут оставить общество равнодушным.

Отчасти это получает отражение в более широкой постановке проблемы репродуктивных прав женщины и семьи. Эта проблема включает в себя, разумеется, и вопрос об уровне рождаемости, но не только его. Вправе или не вправе родители регулировать число и сроки появления на свет своих детей? Еще до относительно недавнего времени и светские, и религиозные законы, бытовая мораль давали на этот вопрос однозначно отрицательный ответ, всякое вмешательство родителей или третьих лиц в процесс производства потомства осуждалось и каралось.

Сейчас, как правило, только церковь продолжает бескомпромиссно отстаивать незыблемость старых правил, но это не значит, что на пути к полному признанию репродуктивных прав нет других серьезных препятствий. Достаточно вспомнить некоторые постоянно возникающие предложения восстановить запрет аборта или безумные инициативы Жириновского В.В., предлагающего не выпускать за границу женщин, не родивших двух или трех детей. В России, как и в других странах, есть убежденные противники принципа свободы выбора в области производства потомства.

Однако даже если такая свобода признана на законодательном уровне, для действительного обеспечения репродуктивных прав этого недостаточно. Уровень российской рождаемости свидетельствует о том, что подавляющее большинство семей в России давно уже регулируют число детей и сроки их появления на свет, и после отмены запрета на аборт в 1955 г. это никогда не вызывало никаких юридических проблем, так что формально свобода репродуктивного выбора сохраняется в России уже почти столетия. Но при этом формальное признание репродуктивных прав не было подкреплено соответствующими усилиями по созданию материальных условий для их реализации. В частности, население России никогда не располагало ни достаточной информацией о способах предупреждения беременности, ни надлежащим выбором противозачаточных средств.

В результате и сейчас едва ли не преобладающим методом регулирования деторождения остается искусственный аборт, а культура контрацепции остается весьма неразвитой. Россия все еще принадлежит к числу мировых рекорсменов по числу абортов. Производя около 200 абортов на 100 родов, она превышает по этому показателю страны Западной Европы в 8, 10 и более раз. При этом аборт в России крайне опасен для здоровья и жизни. Смертность женщин, связанная с абортом, в России постепенно снижается, но все еще в 15–20 раз выше, чем в странах Европейского Союза, на ее долю приходится почти четверть всей материнской смертности.

Хотя противникам признания репродуктивных прав женщины, среди которых есть и такие влиятельные, как РПЦ, не удалось пока добиться изменения ключевых законодательных норм, они, безусловно, оказывают заметное воздействие на общий климат, тормозят повышение культуры контрацепции. Сейчас в России едва ли кто-либо осмелится предложить, например, установить на станциях метро или вблизи учебных заведений доступные всем автоматы по продаже презервативов (как это делается в европейских странах), несмотря на то, что в современных условиях презерватив – это не только противозачаточное средство, но и один из барьеров, препятствующих распространению болезней, передаваемых половым путем, в частности СПИДа.

3.4. Семейная солидарность или социальная солидарность?

Снижение рождаемости – пусть и очень важное, но далеко не единственное звено в цепи глубоких перемен, на протяжении многих десятилетий переживаемых российской семьей и весьма сходных с теми, через которые в XX в. этот институт проходил во всех промышленных странах. В ходе этих перемен производственная деятельность, оставаясь источником средств существования семьи, переместилась за ее пределы и превратилась для большей части населения – как для мужчин, так и для женщин, – в труд за зарплату.

Снижение рождаемости сделало возможным почти поголовное вовлечение женщин во внедомашнее производство. Семейные и производственные обязанности отделились друг от друга в пространстве и времени, их сочетание резко усложнилось. Изменились основополагающие функции семьи, ее образ жизни, ритм формирования, семейные роли, внутрисемейные отношения, семейная мораль, матримониальное, репродуктивное, сексуальное поведение, положение всех возрастно-половых групп: женщин и мужчин, детей, подростков, пожилых, престарелых.

Но новая семья сразу же оказалась перед лицом новых проблем.

Один из главных смыслов демографической и семейной модернизации заключается в переносе центра тяжести социального контроля над демографическим и семейным поведением людей с институционально-коллективного на индивидуальный уровень: «внешний» контроль со стороны государства, церкви, сельской общины или – что важно в данном случае – самой семьи уступает место контролю «изнутри», т.е. самоконтролю, и одновременно резко расширяется свобода индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека. Таким образом, закладываются основы эмансипации человека от семьи, но в то же время подрываются основы прежней семейной сплоченности и солидарности, тысячелетиями служившей гарантией относительной экономической и социальной безопасности индивида. Именно эта семейная солидарность и оплакивается обычно ревнителями «прошлого, которое мы потеряли».

Однако если не впадать в бесплодное морализаторство и не идеализировать традиционные семейные отношения, то нельзя не видеть, что место семейной солидарности не остается пустым, его все больше занимает социальная солидарность. Зачем человеку на старости лет материально и морально зависеть от своей семьи, если он может получать пенсию и быть независимым? И что в этом плохого? Да это и естественно в условиях, когда деятельность каждого на протяжении всей трудоспособной жизни включена не в экономический кругооборот семейного хозяйства, как это было всегда прежде, а в сложную систему экономических связей «большого общества».

Но то, что кажется очевидным и считается общепринятым, когда речь идет о пенсионном обеспечении или о социальном обеспечении больных или инвалидов (в прошлом – тоже вопросы, решавшиеся в рамках семейной солидарности), далеко не так ясно, а иногда и весьма спорно, когда речь идет о других ситуациях, за которые тоже всегда была ответственна семья. Системы наследования, приданое, выкуп невесты, свадебные подарки, «приимы» сирот, семейные или общинные «помочи» при строительстве дома – все это были формы поддержки людей на сложных этапах их семейного цикла. Может ли и должно ли все это быть заменено современными механизмами социального обеспечения? И если да, то в какой мере, в каких масштабах, при каких условиях?

Здесь не место детализировать все возможные ситуации, можно упомянуть лишь некоторые – в виде примера или иллюстрации.

Те же пособия на детей – это что: поощрение за рождение нужного обществу человека или социальное вспомоществование, естественное в ситуации, которая не может быть разрешена иначе в условиях всеобщего распространения труда, вознаграждаемого с помощью заработной платы?

Как интерпретировать стремительно растущее число незарегистрированных браков и особенно внебрачных рождений? Смысл свободных сожительства может быть разным. В них может проявляться как «падение нравов» и легкомысленное отношение к супружеским отношениям, так и, напротив, более ответственное отношение к ним, нежелание юридически оформлять не проверенную опытом совместной жизни связь. В обоих случаях они заменяют некоторое количество юридически оформленных союзов,

одним из следствий чего может быть отмечаемое статистикой снижение брачности, ибо оно оценивается по данным о зарегистрированных браках. Но и незарегистрированные браки вносят немалый вклад в рождаемость.

Как должна относиться ко всем этим новым явлениям система социального обеспечения? Не означают ли они новых шагов от семейной к социальной солидарности и в этом смысле – новых вызовов этой системе, на которые она рано или поздно должна будет ответить? Во многих странах существуют разного рода семейные льготы (налоговые и прочие) для супружеских пар, некоторые социальные права работающих распространяются на их супругов (например, медицинское страхование). Это рассматривается как поддержка государством института семьи, демонстрация уважения семейных ценностей. Но существуют страны, в которых узаконены или полуузаконены однополые браки, и некоторые семейные льготы распространяются и на них. Каков объективный смысл всех этих подвижек? До каких пределов может идти толерантность общества? Если в демократических государствах признаются и поддерживаются однополые браки, почему в них же закон запрещает, скажем, полигамный брак, разрешаемый шариатом?

Ясные ответы, пригодные для политического использования, есть только на одном краю политического спектра, там, где приветствуется любой мыслимый возврат назад и, если надо, то с помощью самых жестких запретительных мер. На противоположной же стороне, при общей готовности принять перемены, убедительной аргументации в их поддержку сейчас нет.

4. Рост жизненного потенциала поколений как социальная цель

4.1. Жизненный потенциал поколений и его рост: мировые тенденции

Жизненный потенциал поколения – это совокупное число прожитых им (реализованный потенциал) или ожидаемых (ожидаемый потенциал) человеко-лет. Теоретически сокращение прироста населения или даже появление отрицательного прироста может в некоторой мере компенсироваться одновременным ростом жизненного потенциала поколений. Так как население состоит из многих сосуществующих во времени поколений, сумма их жизненных потенциалов (а не число людей) образует истинный демографический потенциал населения. Как уже упоминалось, число людей может становиться меньшим, а число прожитых ими лет, а значит, и возможности деятельности – большими.

Конечно, сокращение населения не способствует росту его демографического потенциала. Но именно ограниченность демографического потенциала требует особого внимания к проблеме сохранения имеющихся людских ресурсов, к увеличению как ожидаемого, так и реализованного жизненного потенциала поколений. Однако, может быть, еще более важно, что такое внимание имеет и другие основания, не «ресурсные», не инструментальные, а экзистенциальные, связанные с фундаментальными внутренними целями развития общества.

Долгая жизнь и длительное сохранение здоровья для большинства населения – исторически новое явление. Только во второй половине XX в. несколькими десятками промышленно развитых стран удалось достичь ожидаемой продолжительности жизни, превышающей 70–80 лет, и за счет этого резко расширить жизненный потенциал каждого поколения, сделав его в то же время более устойчивым, слабо зависящим от всякого рода внешних возмущений. Благодаря этому удалось приблизиться к одной из главных форм социального равенства – равенству шансов на жизнь. Несмотря на то, что социальные различия в этих шансах существуют везде, средние значения продолжительности жизни так сблизились с максимально возможным, что это само уже свидетельствует об относительной второстепенности оставшихся различий.

Важно и то, что, достигнув более долгой жизни, люди одновременно увеличили и продолжительность здоровой жизни. Между достижением этих двух целей есть известное противоречие, так как общее удлинение жизни часто достигается за счет того, что медицина продлевает жизнь уже больного человека. Поэтому, по мере роста ожидаемой продолжительности жизни доля лет, прожитых в здоровом состоянии, по отношению к общей сумме прожитых лет может даже уменьшаться. Тем не менее абсолютное среднее число лет здоровой жизни увеличивается. По имеющимся оценкам, ожидаемая продолжительность здоровой жизни в Японии, в 2000 г. занимавшей по этому показателю первое место в мире, составляла 73,8 года, на Кипре, замыкавшем первые три десятка стран в мировом списке, ранжированном по этому показателю, – 66,3 года¹³.

Рост жизненного потенциала поколений во всем мире, особенно в промышленно развитых странах, при одновременном увеличении продолжительности здоровой жизни – одно из важнейших и бесспорных социальных достижений XX в. и в то же время – ключевой фактор, определяющий одну из главных социальных задач наступившего столетия: обеспечить право на как можно более долгую здоровую жизнь для как можно большего числа людей.

¹³ WHO. The world health report, 2001.

4.2. Долговременные тенденции смертности и демографические потери России

Мировые изменения смертности и продолжительности жизни образуют фон, на котором Россия выглядит крайне неблагоприятно. По ряду причин, к числу которых относится и недостаточная осведомленность населения (отчасти вследствие дезинформации советского периода), и объективная сложность и противоречивость наблюдаемых процессов, и невысокая компетентность наблюдателей, и тенденциозная заинтересованность некоторых политических сил, общественное мнение убеждено, что нынешняя высокая смертность в России – относительно новое явление. Согласно широко распространенному даже и в научной литературе, не говоря уже о журналистской публицистике, клише, 90-е гг. в России стали периодом небывалого в мирное время повышения смертности. Оно часто рассматривается именно как «плата за реформы», как их недопустимо высокая «человеческая цена» и т.п.

В действительности, как показывает анализ, **реального повышения смертности в первой половине 90-х гг. либо практически вовсе не было, либо оно было очень небольшим.** Имели место лишь подвижки компенсаторного характера: начавшиеся в середине 80-х гг. временные изменения «календаря» смертности породили впоследствии эффект стремительного ухудшения показателей для условных, «поперечных» поколений. Для реальных же поколений эти изменения были, в основном, даже **положительными**, они не сократили, а удлин timer время фактической жизни, в среднем прожитой каждым умершим. Хотя, к сожалению, положительная составляющая изменений сохранялась недолго¹⁴. Но, в любом случае, для постоянного муссирования темы «страшной цены реформ», а тем более «геноцида» россиян в 90-е гг. нет никаких оснований.

Гораздо серьезнее то, что когда колебательные подвижки показателей смертности подошли к концу, обнажился прежний «советский» неблагоприятный фон. Постоянное подчеркивание подъема смертности в период реформ как бы выводит этот неблагоприятный фон за скобки, и создается иллюзия, что стоит прекратить реформы или найти какой-то иной способ выхода из кризиса, как положение со смертностью наладится.

Истинное положение намного сложнее, что отчасти подтверждается самыми последними тенденциями, в частности, недолговечностью снижения смертности после 1994 г. Оно явно не обладало своими внутренними движущими силами, это был просто возврат к тому, что уже было, может быть, даже к его ухудшенному изданию. Ибо негативные тенденции смертности в России не могли исчезнуть в одночасье. Здесь, как и во всем СССР, они набирали силу на протяжении десятилетий. К тому же надо отметить, что и в СССР, по крайней мере, среди семи его европейских республик, Россия выделялась своими худшими показателями смертности: она была на последнем месте по смертности мужчин и на предпоследнем (уступив последнее место Молдавии) – по смертности женщин.

В послевоенные годы, в результате снижения смертности и роста ожидаемой продолжительности жизни, – в значительной мере благодаря внедрению антибиотиков – жизненный потенциал российских поколений значительно вырос, и по этим характеристикам Россия довольно близко подошла к передовым странам того времени. В 1965 г. разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между Россией и Францией сократился до 3 лет у мужчин и 1 года у женщин, между Россией и США – соответственно до 2,5 и 0,3 года. Но период успехов быстро закончился, и вот уже более трех десятилетий Россия не участвует в общем движении к более долгой жизни. Начиная с 60-х

¹⁴ A. Avdeev, A. Blum, S. Zakharov et E. Andreev. Réaction d'une population hétérogène a une perturbation. Un modèle d'interprétation des évolutions de mortalité en Russie. *Population*, 1997. No. 1. P. 7–44; С. Захаров. Когортный анализ смертности населения России (Долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти). Вопросы прогнозирования. 1999, 2. С. 114–131; Вишневский А.Г. Подъем смертности в 90-е годы: факт или артефакт? Население и общество. Май 2000, № 45.

гг., тенденции изменения ожидаемой продолжительности жизни в России и на Западе вновь разошлись. В России начался затяжной эпидемиологический кризис, который блокировал дальнейшее снижение смертности и даже привел к ее некоторому повышению у мужчин. Весь период, начиная, примерно, с середины 60-х гг., стал для России временем стагнации, особенно заметной на фоне успехов стран Западной Европы, Северной Америки или Японии (рис. 24).

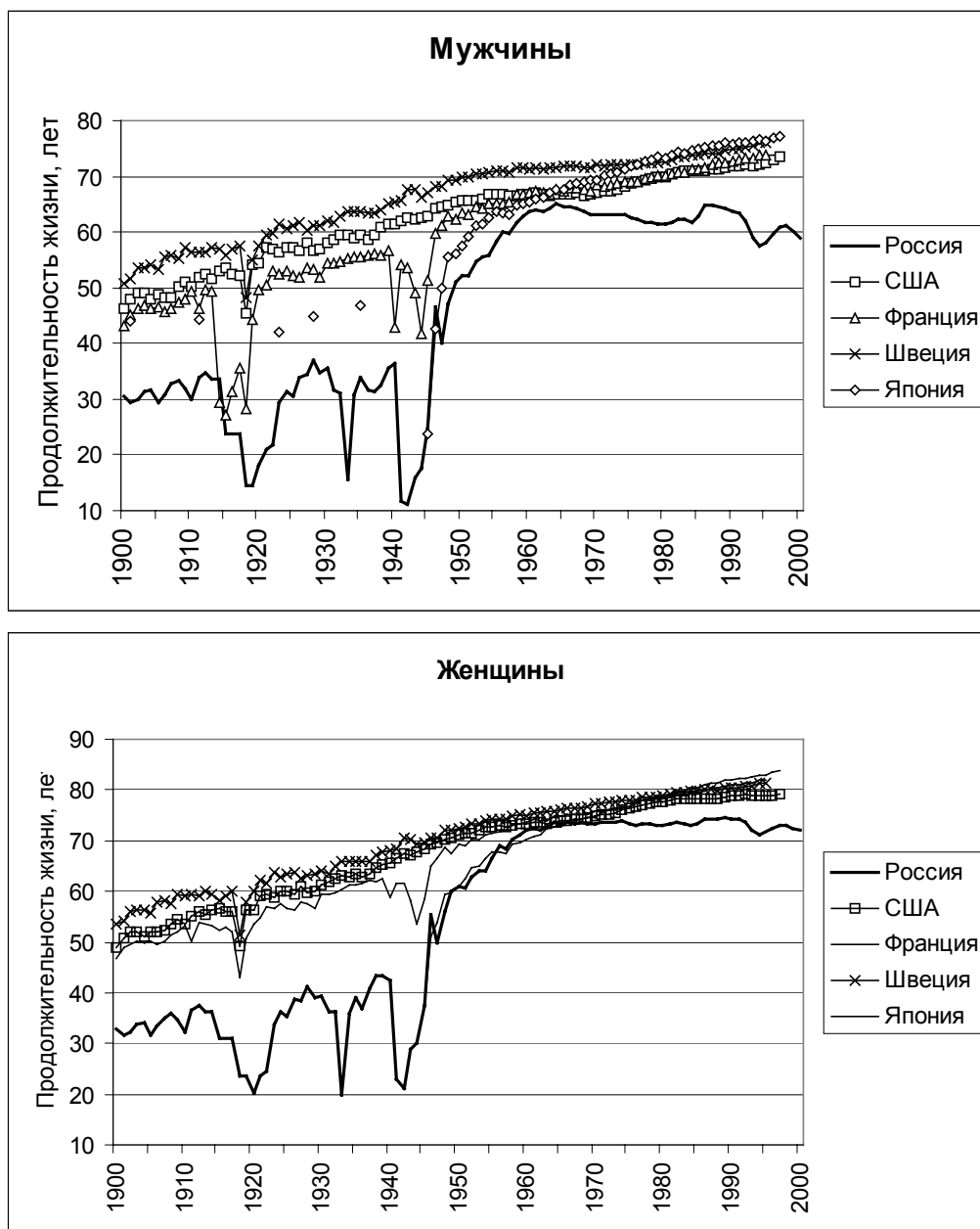

Рисунок 24. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в XX в. в некоторых странах

Все сравнения с Западом указывают на затяжной кризис отечественной системы охраны здоровья. В 70-е гг. в России ожидаемая продолжительность жизни снижалась, особенно у мужчин, в 1979–1980 гг. она достигла минимума: 61,5 года у мужчин и 73 года у женщин. В 80-е гг. появились признаки улучшения ситуации. Наметилась тенденция медленного роста ожидаемой продолжительности жизни, которая получила заметное усиление и подкрепление в 1985–1987 гг., в частности, в результате антиалкогольной кампании. Однако уже в 1988 г. началось новое падение продолжительности жизни, которое длилось 7 лет, достигнув особой глубины в 1993–1994 гг. В 1995 г. наметился

новый поворот, на этот раз – в лучшую сторону. К началу 1998 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин заметно выросла, но затем начался ее новый спад (табл. 24).

Таблица 24. Ожидаемая продолжительность жизни населения России в некоторые годы

Годы	Оба пола	Мужчины	Женщины
1958-1959	67,9	63,0	71,5
1964-1965	69,6	64,6	73,3
1979-1980	67,5	61,5	73,0
1983-1984	67,9	62,0	73,3
1987	70,2	65,0	74,6
1994	64,0	57,6	71,2
1998	67,0	61,3	72,9
2001	65,3	59,0	72,3

Перед нами – все то же топтание на месте с тенденцией к ухудшению.

Затянувшаяся стагнация в деле охраны здоровья и жизни россиян и связанное с этим нараставшее отставание от мировых достижений означают огромные потери жизненного потенциала поколений. Потери затрагивают все основные составляющие жизненного потенциала: совокупные годы трудовой жизни, совокупное время жизни в «дорабочем» и «послерабочем» возрастах.

Эти потери можно приблизительно оценить, сравнивая фактическое число смертей с гипотетическим, каким оно могло бы быть, если бы смертность в России на протяжении последней трети XX в. эволюционировала примерно так же, как в западных странах. Разницу между гипотетическим и фактическим числом смертей можно интерпретировать как «избыточную» смертность. Если предположить, что с 1966 по 2000 гг. возрастные коэффициенты смертности в России менялись бы такими же темпами как, в среднем, в странах ЕС, США и Японии в период с 1961 по 1996 гг., а остальные составляющие демографической динамики (рождаемость и миграция) оставались бы такими же, какими они были в действительности, то общее число умерших за 1966–2000 гг. было бы меньше фактического на 14,2 млн человек. Эта все время с ускорением нараставшая величина превосходит возможную оценку людских потерь России (примерно половина потерь СССР) во Второй мировой войне.

Табл. 25 дает представление о структуре обусловленных высокой смертностью демографических потерь России по полу и возрасту. Максимальные потери страна несет из-за смертности мужчин в возрасте 15–64 лет: у них избыточны более половины смертей. У женщин в возрастах до 65 лет и у мужчин 0–14 лет можно считать избыточными примерно треть смертей.

Таблица 25. Фактическое и гипотетическое число умерших в России за 1966–2000 гг.

	Фактическое число умерших, тыс.	Расчетное число умерших, тыс.	Избыточная смертность	
			в тыс. человек	в % к фактическому числу умерших
Оба пола				
Всего	55313	41157	14157	25,6
0-14	2206	1482	724	32,8
15-64	21597	11834	9763	45,2
65+	31510	27841	3669	11,6
Мужчины				
Всего	27622	18326	9296	33,7

0-14	1307	854	453	34,6
15-64	15076	7253	7823	51,9
65+	11239	10219	1020	9,1
Женщины				
Всего	27691	22831	4860	17,6
0-14	900	628	272	30,2
15-64	6520	4581	1940	29,7
65+	20271	17622	2649	13,1

4.3. Незавершенный эпидемиологический переход

Успехи в борьбе со смертью в XX в. во всех промышленно развитых странах, в том числе и в России, были следствием развернувшегося в них эпидемиологического перехода: служившие главными причинами смерти болезни острого действия, имевшие по преимуществу экзогенную природу и поражавшие людей всех возрастов, особенно же детей, замещаются хроническими болезнями преимущественно эндогенной этиологии, прежде всего болезнями сердечно-сосудистой системы, либо онкологическими заболеваниями, обусловленными, в основном, влиянием канцерогенных факторов накапливающегося действия («квазиэндогенные» факторы). Эти болезни и выступают в новых условиях в качестве ведущих причин смерти.

Если говорить о конкретных причинах смерти, то разграничение экзогенного и эндогенного вкладов в каждом отдельном случае нередко оказывается достаточно сложным. Однако в целом всегда прослеживается общая закономерность: последовательное вытеснение экзогенных детерминант смертности эндогенными приводит к тому, что процесс вымирания поколений становится все более тесно связанным с возрастом: смерти от каждой причины все меньше «размываются» по всем возрастам и все больше концентрируются в старших возрастных группах, где естественное ослабление жизнеспособности делает организм более уязвимым по отношению к любой причине смерти. Отсутствие такой концентрации – признак недостаточной продвинутости по пути эпидемиологического перехода.

Именно эта черта свойственна современной российской смертности и без труда обнаруживается при ее сравнении со смертностью в большинстве промышленно развитых стран. Конечно, и в России в XX в. были достигнуты немалые успехи в деле охраны здоровья и предотвращения преждевременной смертности, как и везде связанные с коренными изменениями в структуре причин смерти, в роли старых и новых патогенных факторов. Однако эпидемиологический переход в Советском Союзе начался позднее, чем в большинстве западных стран, испытал сильное тормозящее действие известных исторических потрясений, натолкнулся на социокультурную неподготовленность значительной части населения к необходимым переменам и в результате остался незавершенным.

Мировой опыт показывает, что эпидемиологический переход осуществляется в два этапа. На первом из них успехи достигаются, благодаря определенной стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека, в известном смысле патерналистской, основанной на массовых профилактических мероприятиях, которые не требуют большой активности со стороны самого населения. Именно благодаря такой стратегии добился своих успехов и СССР, вошедший к началу 60-х гг. в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью.

Однако к середине 60-х гг. возможности этой стратегии в развитых странах оказались исчерпанными. Они подошли ко второму этапу перехода, когда понадобилось выработать новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска смерти от заболеваний неинфекционного происхождения, особенно

сердечно-сосудистых заболеваний и рака, а также от несчастных случаев, насилия и других подобных причин, непосредственно не связанных с болезнями. Эта стратегия требовала как более активного и сознательного отношения к своему здоровью со стороны каждого человека, так и намного больших материальных затрат на охрану и восстановление здоровья, что, в свою очередь, способствовало повышению его общественной ценности.

Западным странам после не очень долгого топтания на месте удалось и выработать, и реализовать такую стратегию. В СССР же ответ на новые требования времени не был найден, страна стала пробуксовывать на наезженной колее. К концу 70-х гг. стало ясно, что неучастие СССР в мировых успехах в борьбе со смертью и связанное с этим новое отставание, все время растущее, – не случайный и временный эпизод, а проявление глубокого кризиса системы.

80-е гг. лишь подтвердили, что модернизация смертности в СССР, пройдя период несомненных успехов, натолкнулась на труднопреодолимые препятствия и застряла на первом этапе эпидемиологического перехода. Советское общество не создало пригодных для проведения новой стратегии механизмов. Как ни гордилось оно своим бесплатным здравоохранением и как ни велики действительные заслуги этого здравоохранения на определенных этапах борьбы со смертью, в конце концов именно бесплатность и отсутствие материальных стимулов в медицине, равно как и уравнилельно-патерналистский характер социального обеспечения превратились в серьезное препятствие индивидуальной активности человека в борьбе за сохранение или восстановление своего здоровья, за продление своей жизни, за здоровье и жизнь своих детей.

Развитие здравоохранения и выделяемые ему ресурсы зависели от жестко монополизированных решений «центра». Никто не знал, сколько денег изымается у него на нужды здравоохранения и сколько действительно тратится на эти нужды, и не мог влиять на расходование средств. В результате централизованного распределения ресурсов здравоохранение, наряду с другими «непроизводственными» отраслями, получало лишь то немного, что оставалось от предельно милитаризованных «производственных» отраслей. Этот остаток явно не соответствовал масштабам новых задач по охране и восстановлению здоровья, выглядел просто жалким в сравнении с теми ресурсами, которые в это время шли на соответствующие нужды на Западе.

В СССР экономия такого рода позволяла поддерживать военный паритет с западными странами, вести с ними «холодную войну», и это считалось очень важным положительным результатом. Однако огромные демографические потери СССР от высокой смертности говорят о том, что эта война была «холодной» только для Запада, для СССР же она была достаточно «горячей».

Другим же, не менее важным препятствием снижению смертности стала нараставшая социальная апатия, разочарование в неосуществившихся общественных идеалах. Новая стратегия борьбы со смертью требовала, чтобы на смену пассивному принятию проводимых органами здравоохранения мер пришла заинтересованная индивидуальная активность самого населения, направленная на оздоровление среды обитания, всего образа жизни, заботу о своем здоровье, искоренение вредных и внедрение полезных привычек и т. п. Между тем, застойные брежневские десятилетия только консервировали социальную маргинальность большинства населения, оказавшегося в культурной и идеологической пустоте, и делали его неспособным к активной борьбе за сохранение своего здоровья и жизни. Алкоголизм и тесно связанная с ним чрезвычайно высокая смертность от несчастных случаев, отравлений и травм – прямое следствие этой общей социальной ситуации.

Таковы были объективные условия, в которых складывалась модель вымирания поколений, предопределившая нынешнее бедственное положение со смертностью в России. Она так и осталась промежуточной. Российское общество ни до распада СССР, ни после него так и не смогло вступить в давно назревший новый этап эпидемиологического перехода и продолжить прогрессивную перестройку структуры причин смерти и определяющих их патогенных факторов. Это обернулось для него огромными потерями.

Нынешняя Россия стремится к переформулированию своих целей, но, судя по всему, пока охрана здоровья собственного населения еще не вошла в число главных приоритетов. Вся система охраны здоровья в том виде, в каком она сформировалась в России еще в советское время, и в том, какой она приобрела в ходе постсоветских реформ, слишком худосочна, слишком слабо обеспечена ресурсами, занимает слишком низкое место на шкале общественных и государственных приоритетов, чтобы она могла обеспечить значительный рывок в деле снижения смертности. А экономическая и политическая ситуация в стране пока, к сожалению, не позволяет ожидать в скором времени столь необходимых революционных изменений в системе охраны здоровья россиян.

В результате огромные демографические потери по-прежнему служат источником колоссального экономического ущерба от утраты как значительной части самих человеческих ресурсов, так и произведенных, но не давших полного эффекта вложений в человека (в воспитание, образование, охрану здоровья и пр.). Но еще важнее постоянно демонстрируемая российским обществом неспособность к достижению экзистенциальных целей, таких, как более долгая и здоровая жизнь.

4.4. Приоритеты действий

Кризис смертности в России будет преодолен только тогда, когда удастся изменить структуру российской смертности и приблизить ее к западной. Для этого нужно: во-первых, уменьшить вероятность смерти от тех причин, смертность от которых всегда наиболее высока в средних, а не в старших возрастах (прежде всего от несчастных случаев, отравлений и травм); во-вторых, отеснить к более поздним возрастам смертность от тех причин, которые более или менее естественны в пожилом и старческом возрасте, но в России сейчас очень часто сводят в могилу людей средних лет и даже молодых (в первую очередь, это болезни системы кровообращения).

Фактические изменения смертности на протяжении последних 30 лет не приближали, а отдаляли Россию от решения этой задачи (которая в это время успешно решалась на Западе), и сейчас нужна долгая и упорная работа, чтобы добиться коренного изменения нынешних тенденций.

Разумеется, бороться надо со всеми смертями – во всех возрастах и от всех причин. Но в ряде случаев речь идет о достаточно рутинной работе по совершенствованию здравоохранения, повышению санитарной культуры населения и пр. Такая работа, конечно, необходима. Есть, однако, направления, отставание на которых приобрело катастрофические масштабы, и где приходится думать о чрезвычайных, экстренных, узко направленных, прицельных мерах, призванных бороться с нетерпимым общественным бедствием. На этих направлениях надо действовать безотлагательно, сконцентрировав на них значительную часть имеющихся ресурсов. Ибо было бы наивным надеяться, что в скором времени в России окажется достаточно ресурсов, чтобы развернуть эффективное наступление на смерть сразу на всех направлениях.

Какими же должны быть приоритеты политики в области здоровья и смертности? Официальная точка зрения Минздрава – монополиста по части формулирования такой политики – выражается в том, что на современном этапе развития на первый план

выходит борьба с основными неинфекционными заболеваниями. Применительно к России такая позиция требует существенных уточнений.

В целом нельзя отрицать, что эпидемиологическая революция XX в. заставляет смещать приоритеты борьбы за более долгую и более здоровую жизнь с патологии экзогенной на патологию эндогенной природы, т.е. именно на хронические неинфекционные заболевания, что и было сделано в западных странах. Однако нельзя перескакивать через непройденные этапы и видеть первостепенные задачи только в борьбе с преимущественно эндогенной заболеваемостью и смертностью, когда, как это имеет место в России, еще не до конца решены проблемы предыдущего этапа – эффективной борьбы с заболеваемостью и смертностью преимущественно экзогенной природы. По-видимому, приоритеты для России сегодня должны быть сформулированы несколько по-иному.

Во-первых, сам факт преобладания хронических неинфекционных заболеваний среди причин смерти еще не означает, что именно с этими причинами следует бороться в первую очередь. Если все равно люди должны умирать от каких-то причин, то лучше, чтобы это были именно хронические заболевания эндогенной природы, так как сами эти заболевания появляются и смерть от них, как правило, наступает в более поздних возрастах.

Во-вторых, хотя контроль над многими инфекционными болезнями в России в целом действительно установлен, он пока все же недостаточно надежен. Смертность от инфекционных болезней, особенно в младших возрастах, все еще очень высока: в возрасте до 1 года – в 6–7 раз выше, чем на Западе, в возрасте от 1 до 9 лет – в 3–4 раза выше. Кроме того, в России пока сохраняется вероятность вспышек инфекционных и даже эпидемических заболеваний, каковые и наблюдались в недавнем прошлом или наблюдаются сейчас (вспышки холеры, дифтерии, туберкулеза, сифилиса, надвигающаяся эпидемия ВИЧ-СПИДа и пр.). Хотя по абсолютному числу жертв такие вспышки значительно уступают хроническим болезням, их разрастание таит в себе очень большую опасность.

В-третьих, понятие «неинфекционные болезни» не покрывает одну из главных угроз здоровью и жизни россиян – «внешние причины», т.е. несчастные случаи, отравления и травмы, насилие и т.п. Между тем их роль как источника неблагополучия даже и в количественном смысле сопоставима с ролью главных неинфекционных заболеваний. В частности, по числу жертв у мужчин они стоят на втором месте, уступая только сердечно-сосудистым заболеваниям и намного превосходя новообразования или болезни органов дыхания. К этому надо добавить, что если для борьбы с различными болезнями в России имеются достаточно серьезные исследовательские, лечебные, организационные структуры, то столь же серьезных институционализированных возможностей борьбы с несчастными случаями и другими «внешними причинами» заболеваемости и смертности в стране не существует.

Наконец, борьба с неинфекционными хроническими заболеваниями, если только не трактовать это понятие неограниченно широко, едва ли может коренным образом улучшить положение со здоровьем и смертностью детей, а это положение таково, что разработку и реализацию комплекса мер по резкому улучшению здоровья и сохранению жизни рождающихся детей также следует отнести к числу главных приоритетов здравоохранения.

Как должен вестись поиск приоритетных направлений борьбы со смертью, кто должен их определять, обеспечивать кадрами, финансированием и пр.? По-видимому, роль главного организатора борьбы с преждевременной смертностью в России должно сохраниться за государством в лице его высших правительственных органов.

Центральное место государства в системе здравоохранительных действий соответствует и отечественной традиции, и мировому опыту.

Однако, признав центральную роль государства, надо сразу же сказать и о необходимости ее значительного ограничения. Централизация хороша до определенного предела, чрезмерный же, всеохватывающий государственный монополизм и патернализм резко снижает здравоохранительные и жизнеохранительные силы общества, сковывая общественную и индивидуальную инициативу. Именно эти черты советского здравоохранения оказались едва ли не главным тормозом на этапе не состоявшегося у нас второго эпидемиологического перехода, в основе которого как раз и лежит расширение индивидуальной активности людей во всем, что касается охраны их здоровья и жизни. Настал момент, когда, безоговорочно признав высокую ответственность министерства здравоохранения, надо все же указать ему на его место. Оно должно не диктовать обществу стратегию борьбы за здоровье и жизнь, а отвечать на запросы общества, получающие выражение в свободном выборе людей (выборе врача, медицинского учреждения, метода лечения и т.д.), деятельности независимых социальных институтов и общественных объединений, в разных формах финансирования всего, что связано с сохранением или восстановлением здоровья.

Заключение

Представленный в настоящем исследовании многовариантный демографический прогноз для России в очередной раз показал, что в XXI в. стране придется жить в совершенно иных, чем прежде условиях. Сам по себе этот результат не нов. В последнее время делалось немало прогнозов такого рода, и ни один из них не предсказывает преодоления нынешних тенденций, возврата к положительному естественному приросту населения России и возобновлению роста его численности.

Тем не менее весь общественный дискурс концентрируется вокруг темы «преодоления нынешнего демографического кризиса» и возврата к мнимому демографическому благополучию недавнего времени. В официальной «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», одобренной Правительством России в сентябре 2002 г., говорится, что «целями демографического развития Российской Федерации являются стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту». Эти утопические цели абсолютно недостижимы, а авторы Концепции, по-видимому, не понимают, что «предпосылок к демографическому росту» в России не существует уже почти сорок лет.

Население страны до 1992 г. росло, но лишь благодаря стечению обстоятельств, которое никак нельзя назвать счастливым. Дело в том, что в 70-е – 80-е гг. в России было очень мало пожилых людей, от которых зависит, в основном, число умерших. Их было мало потому, что они принадлежали к поколениям, родившимся в конце XIX – начале XX в. и перемолотым событиями первой половины XX столетия. Из них немногие дожили до старости. Если бы этих страшных потерь в прошлом не было и население России имело возрастную структуру типичных европейских стран, то, при фактических российских повозрастных показателях рождаемости и смертности, отрицательный прирост населения появился бы в России не в 1992 г., а уже в 70-е – начале 80-х гг., хотя тогда рождаемость была все же не столь низка, как сейчас.

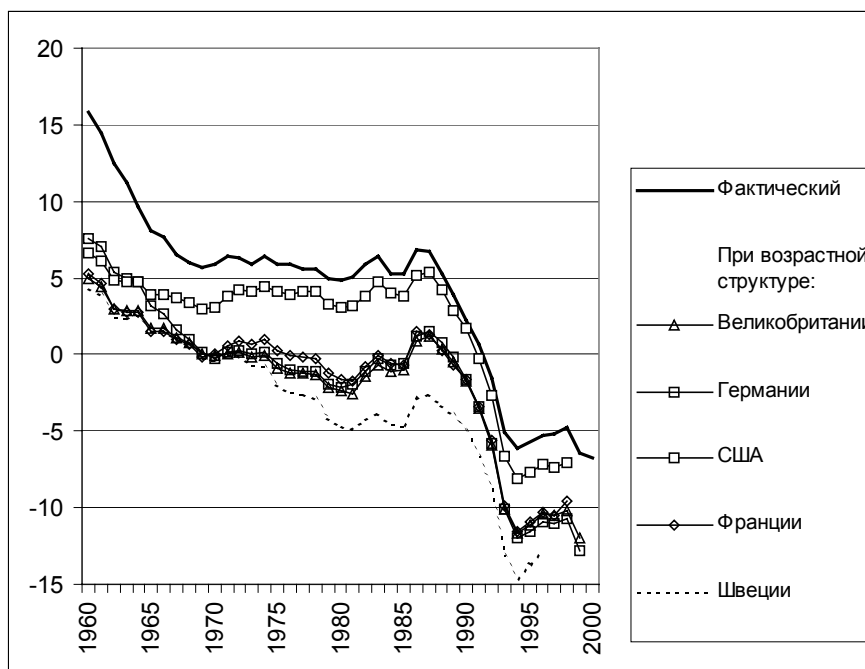

Рисунок 25. Каким был бы естественный прирост населения России при возрастной структуре некоторых стран и российских повозрастных уровнях рождаемости и смертности

В 90-е гг. в пожилой возраст стали вступать люди, родившиеся в 1930 г. и позднее. Они не участвовали ни в одной войне, жили в относительно спокойных условиях, доля

доживших до старости из их числа была намного большей, чем у их предшественников. Тогда-то и обнаружилась истинная мера «предпосылок к демографическому росту» населения России.

Сейчас главный адаптационный механизм, который может быть использован для противодействия быстрой убыли населения России, – это механизм иммиграции. Однако, как показано в настоящем исследовании, для стабилизации, а тем более роста численности населения страны нужны очень крупные объемы ежегодной иммиграции. Учитывая многие экономические и политические реалии России, обеспечить такой приток населения извне в ближайшие десятилетия едва ли возможно. Подробное рассмотрение этого вопроса, ввиду его важности, стало предметом уже упоминавшегося самостоятельного исследования¹⁵.

В любом случае, даже и при значительном притоке мигрантов, наиболее вероятно, что России долгое время придется жить в условиях сокращающегося и стареющего населения. А это значит, что необходима экономическая и социальная адаптация к этой долговременной демографической тенденции. Этот вопрос пока изучен крайне слабо, в России практически нет специалистов в области экономической и социальной демографии. Конечно, жизнь сама заставляет агентов экономических и социальных процессов приспосабливаться к меняющимся условиям. Однако (это видно на примере нашего министерства труда и социального развития) такое приспособление идет на основе «здорового смысла», на ощупь, методом проб и ошибок и чревато серьезными просчетами и потерями.

¹⁵ См. «Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу».